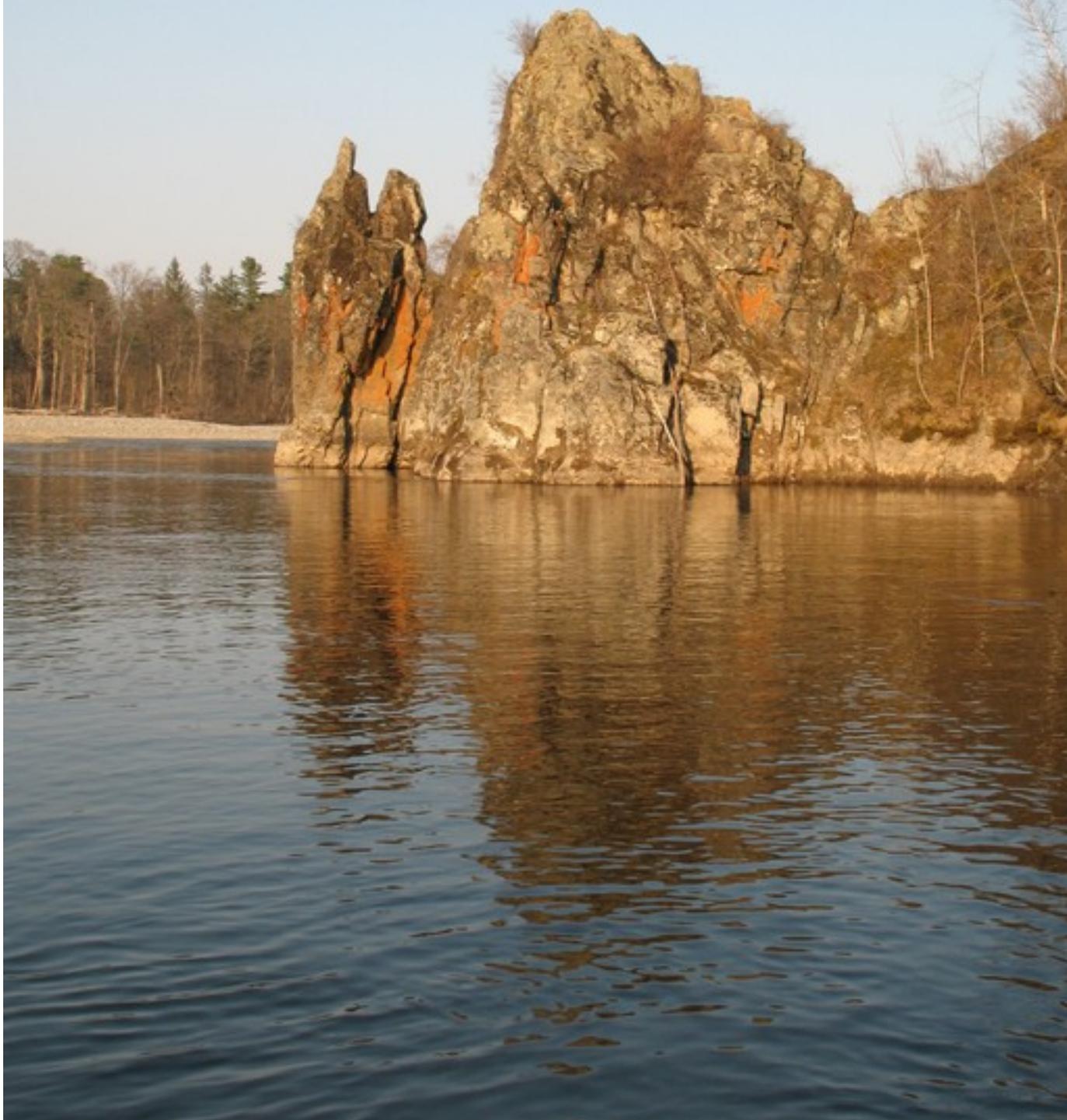

Евгений Константинов

**Нежелательные встречи,
или
Барбусы обожают тараканов**

Евгений Михайлович Константинов
Нежелательные встречи, или Барбусы
обожают тараканов (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6604044

Аннотация

Animals-horror, а еще чаще даже fish-horror – так можно назвать жанр произведений, представленных в сборнике «Нежелательные встречи». Действие почти всех рассказов происходит во время рыбалки, на которую приезжает главный герой. Он ловит рыбу, наслаждается природой, и кажется, ничто не должно нарушить окружающую идиллию, но тут начинается такое!..

Оказывается, что на обычной рыбалке можно встретить межзвездного браконьера, охотников за людьми из параллельного мира, водяного, ведьму, сатану-искусителя, бобра-оборотня. Каждый рассказ, словно предупреждение – с Природой шутки плохи!

Содержание

Живцы	4
Плавающий букет кремовых роз	13
Платник	24
Налимья погодка	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Евгений Константинов

Нежелательные встречи, или Барбусы обожают тараканов (сборник)

Живцы

Густые заросли крапивы, казалось, делали подступ к реке невозможным. Максим и Вовик в нерешительности остановились перед этой ярко-зеленой преградой.

– Обходить надо, – пожившись, сказал Вовик, глядя на враждебно ощетинившиеся жгучими волосками, крупные листья.

– Не спеши, может Станислав скрытые тропки знает, – Максим оглянулся на оставших Стаса и Ольгу. Те приблизились, продолжая о чем-то оживленно болтать.

– Почему стоим, отцы? – бодро спросил Стас. – Вперед!

– А что, обходить не будем? – изумился Вовик.

– Ни в коем случае! Мы итак самый клев пропустили. – Стас уверенно подошел к живой зеленой стене и углубился в заросли. Привычно прикрывая лицо выставленными вперед локтями, он наступал сапогами под самый корень стеблей крапивы, и те медленно, как бы нехотя, падали, постепенно образуя что-то похожее на проход. – Эй, не отставайте! Через каких-нибудь пятьдесят метров мы достигнем желанной цели нашего путешествия.

Ребята, видя решимость своего предводителя, один за другим, Ольга – последняя, вошли в коридор, созданный его стараниями.

– А – черт! Я уже обжарился! – сразу завопил Вовик.

– Спокойнее. Думайте только о хорошем, – весело сказал Стас. И тут же сам стал ругаться и слюнявить обожженные пальцы. От злючей крапивы ему, идущему впереди, доставалось больше всех. Но он давно привык к подобным пустякам и старался не обращать внимания на ожоги. Стас знал, что через две-три минуты ополоснет руки холодной речной водичкой, и все будет в порядке. Он приехал на РЫБАЛКУ!

Все трудности и неудобства, которые возникали во время этого замечательного занятия, не значили ровным счетом ничего по сравнению с получаемым им удовольствием при поимке одной единственной рыбки. И даже размер улова для Стаса практически не имел значения. Он был фанатиком самого процесса рыбной ловли и особенно – ловли на спиннинг.

Среди друзей и знакомых он слыл неутомимым и даже немного чокнутым рыбаком-энтузиастом, готовым ради своего увлечения пожертвовать любыми благами. Стас никогда не уставал спорить с каждым, убеждая, что рыбалка – лучшее в мире хобби, что только благодаря ей, вот уже на протяжении многих лет лично его минуют все болезни, все жизненные неурядицы и так далее и тому подобное. «На рыбалку надо чаще ездить, и все будет в порядке», – не уставал повторять он, искренне в это веря.

Инициатором сегодняшней поездки, конечно же, был Стас. Позавчера в гостях у Максима он так красочно, с таким вдохновением поведал присутствующим о последней успешной вылазке со спиннингом на Москву-реку в окрестности Звенигорода, что у многих от зависти загорелись глаза. Он призывал всех в ближайший же выходной выбраться на природу и рассказывал о том, каких двух здоровенных щук удалось ему вытащить и о том, какую тяжесть успел почувствовать, прежде чем поистине огромная «дура» оборвала японскую леску, скольких сумел «выдрать» окуньков, и какой красавец-голавль, тоже позарившийся на блесну, сошел у самого берега...

Максим, чей день рождения праздновали, первый решил составить Стасу компанию и с не меньшей горячностью, принялся агитировать друзей присоединиться к ним. В конце концов, поехать на рыбалку захотелось всем.

Но на следующий день выяснилось, что у большинства вчерашних энтузиастов пропало всякое желание вставать ни свет, ни заря, тащиться куда-то, а потом еще вечером возвращаться на электричке в духоте и толкотне. Не изменили решения ехать со Стасом лишь Максим, его младшая сестра Ольга и Вовик.

Для Ольги рыбалка, как таковая, имела второстепенное значение. Вот вырваться из надоевшей Москвы – другое дело. Да и главный заводила – Стас, понравился девушке, и она хотела бы поближе с ним познакомиться.

Вовик же мечтал половить хищную рыбку, но не спиннингом, а на живца. Сейчас, идя вслед за Стасом и увертываясь от наклоняющихся стеблей крапивы, он пристал к нему с просьбой рассказать, много ли на речке тихих глубоких заводей, и где лучше всего начать ловлю.

– Хороших мест здесь предостаточно, – отвечал Стас. – И ниже по течению и выше, за поворотом. Начинай где хочешь. Но я хотел бы знать, кого ты в качестве живца собираешься использовать?

– Сначала – лягушонка – их здесь много прыгает. Потом попробую на удочку мелкую плотвичку поймать.

– Правильно! Плотвичка, как живец – самое то.

– Стас, когда этот маразм кончится? – крикнул Максим, подотставший вместе с сестрой. – Я уже всю морду лица обкрапивил!

– Можно сказать, уже кончился, – Стас обернулся. – Ольга, ты как там?

– Отлично!

– Молодец, – улыбнувшись, он продолжил путь вперед. Стаса, сопровождавшая его компания, вполне устраивала, хотя он и понимал, что серьезной рыбалки сегодня не получится. Приехать на речку неплохо было бы с первой электричкой, чтобы начать ловлю на самой зорьке. А сейчас солнышко уже вовсю пригревает, и поэтому хищник будет брать вяло. Еще и девушке придется внимание уделять, объяснять, как ловить, и где, и на какие блесны.

Правда Ольга тоже понравилась Стасу, особенно тем, что доброжелательно отнеслась к его увлечению. Далеко не все его друзья проявляли к рыбалке такой интерес. Когда Ольга подтвердила свое обещание, данное вроде бы в шутку, поехать с ними на Москву-реку, Стас очень удивился и в тоже время обрадовался. В электричке он присмотрелся к девушке повнимательнее и был почти покорен ее веселым смехом и обаянием.

Он привез друзей на проверенные места в надежде, что клев сегодня будет хороший, что они обязательно сварят уху и неплохо отдохнут. Начать рыбачить Стас решил на своем любимом месте и сейчас пробирался через крапиву, чтобы до минимума сократить к нему подход.

Вот и заводь, живописнейший вид которой заставил ребят забыть и о зарослях крапивы, и обо всем другом, кроме предстоящей рыбалки. Чуть правее в Москву-реку втекал небольшой быстрый ручеек. В его прозрачной воде было заметно мелькание шустрых плотвичек. Под недалеким противоположным берегом на замедленном течении ребята увидели, расходящиеся по воде круги только что плеснувшейся рыбы. Максим даже зачмокал от удовольствия, предвкушая, как забросит и проведет блесну вдоль полоски осоки, где ее обязательно должна поджидать щука.

– Вот здесь в прошлый раз какая-то «дурра» у меня леску 0,33 оборвала, – сказал Стас. – Это одно из самых лучших мест. Вовик, рекомендую тебе отсюда никуда не уходить. Мы со спиннингами часика два порыскаем и вернемся, а ты к этому времени смело можешь дрова заготавливать для костра, – будем уху варить.

– Здорово! – сказала Ольга. – Давайте побыстрей начнем!

Ребята сбросили рюкзаки и стали собирать снасти: Стас и Максим – спиннинги, а Вовик – бамбуковое трехколенное удилице. Первый спиннинг Стас собрал для Ольги. Он рассказал и показал, как обращаться с катушкой, как правильно делать забросы, как вести блесну. Девушка оказалась способной ученицей, хотя никогда раньше на спиннинг не ловила. Правда при одном из забросов она чуть не угодила блесной в брата – Максим вовремя успел пригнуться.

– Я лучше пойду отсюда, а то зашибут ненароком, – как бы испугавшись, сказал он. – Стас, как там ниже по течению, места хорошие?

– Отличные. Иди, мы скоро тебя догоним, – изящным отработанным движением Стас послал блесну под противоположный берег, и она с еле слышным всплеском, опустилась в каких-то сантиметрах, от веток, лежащего в воде дерева.

– Классно у тебя получается, – восхитилась Ольга.

– У тебя так тоже будет получаться, – сказал он, довольный комплиментом. – Главное – на рыбалку чаще ездить.

Ольга улыбнулась. За короткое время знакомства со Стасом она слышала эту фразу уже не раз.

– Ты уверен, что мы сегодня на уху наловим?

– Не сомневаюсь. Нам для ухи-то всего одной щучки достаточно, – уверенно сказал Стас. – Я предлагаю пойти вслед за Максом, а то мы нашему «живечнику» всю рыбу распугаем, – кивнул он в сторону Вовика. И сделав еще по забросу, они отправились догонять ушедшего вниз по реке спиннингиста.

Вовик, увлеченный ловлей, не заметил, как остался один на берегу заводи. Сосредоточив внимание на сторожке, закрепленном на кончике удилица, он, плавно покачивая, опускал и вынимал из воды крупную мормышку с удлиненным крючком, на который был насажен маленький лягушонок. Он знал, что при ловле на удочку на живца принято использовать большой поплавок, а не сторожок, но считал, что его способ соблазнить хищника наиболее добычливый. Место, куда привез их Стас, ему сразу понравилось. И добираться сюда удобно и сравнительно недолго, и хищник в реке определенно водится, и безлюдно вокруг, что тоже немаловажно. Осталось только приноровиться к особенностям реки, избрать, так сказать, правильную тактику ловли. Может живец-лягушонок не подходит?

Не успел Вовик подумать о замене живца, как почувствовал на крючке сопротивление. Он подсек, может быть излишне резко потому, что подброшенный в воздух щуренок, тут же сорвался и плюхнулся обратно в воду.

Вовик ничуть не огорчился первой неудаче. С удочкой в руках он принялся за поиск еще одного лягушонка и тут увидел перед собой невысокого мужчину в плотно облегающем фигуру, сером спортивном костюме...

* * *

– Ой, Стас, у меня что-то тяжелое тащится!

– Не торопись! – обернувшись, Стас увидел, что согнувшийся кончик спиннинга Ольги, часто-часто подрагивает. – Еще раз подсеки! И не давай слабины!

Девушка неумело подсекла и почувствовала, что сопротивление попавшейся рыбы усилилось. Натянутую леску повело к середине реки на стремнину, а затем, очень быстро, к берегу.

– Не позволяй ей в кусты завести! – крикнул Стас, подбегая. Растерявшаяся Ольга совсем прекратила вращать катушку, и рыба, достигнув-таки спасительных кустов, в них и застряла.

– Эх, черт, теперь фиг вытащишь! – Стас перехватил спиннинг из рук Ольги и некоторое время держал его вертикально, не чувствуя, однако, на противоположном конце снасти ни рывков, ни каких-либо шевелений. Потом опустил его, дав леске провиснуть, в надежде, что рыба сама выпутается, но этого не произошло. Вскоре Стас понял, что выйти из создавшегося положения сможет либо, потянув леску на обрыв, либо слазив в воду.

– Оль, придется мне искупаться, – сказал он, передавая ей спиннинг. – Я думаю, что щука до сих пор пленницей блесны остается.

– А мне, что делать? – спросила Ольга, чувствуя себя немного виноватой.

– Пока просто держи спиннинг. А потом, когда я скажу, подматывать будешь, – оставшись в одних плавках, Стас вошел в воду и сразу окунулся с головой. Глубина здесь была небольшая, метра полтора. Чтобы не поднять мусть, он неторопливо поплыл «по-собачьи» вдоль кустов. Там, где леска уходила в глубину, снова нырнул.

Ольга, не успевшая еще прийти в себя от пережитого волнения, вдруг услышала сзади шорох. Обернувшись, она увидела мужчину в сером спортивном костюме, с обрюзгшим, чем-то напоминающим бульдожьей морду, лицом. Налитые кровью глаза, короткий, с открытыми ноздрями нос, отвислые щеки и большой рот с выступающей нижней челюстью, производили очень неприятное впечатление. Почувствовав недоброе, девушка крепче сжала спиннинг и отступила к реке...

* * *

Под водой Стас открыл глаза. Очень хотелось разглядеть среди веток беспомощно притаившуюся щуку, так и не сумевшую освободиться от острого тройника. Интересно, какова будет реакция рыбы на приближение человека? Но, увы, скользя пальцами по леске, он наткнулся на пустую блесну, зацепившуюся за ветку. Быстро освободив ее, Стас вынырнул на поверхность.

Там, где всего лишь минуту назад стояла Ольга, он увидел какого-то мужика, который сидя на корточках и держа в одной руке стеклянную банку, шарил другой по земле.

– Наверное, червей ищет, – подумал Стас, увидав, как мужик что-то поднял и убрал в банку. – А куда Ольга успела подеваться? Может, спряталась?

Он выбрался на берег и хотел было спросить у мужика, что он здесь делает и где девушка, но тот вдруг вскочил и направил на ничего не подозревающего Стаса маленькую блестящую коробочку...

* * *

– Как все же здорово остаться наедине с речкой! – думал Максим, снова и снова забрасывая блесну. Он любил ловить рыбу в одиночку, когда никто не мешает и не дает глупых советов. Наверное, поэтому он больше ценил пасмурные дни, чем солнечные и предпочитал промокнуть под дождем, но при этом не встретить на реке ни одного купальщика и праздничношащегося.

Максим не долго задерживался на одном месте. Сделав несколько забросов на приглянувшемся участке, спешил дальше, часто меняя блесны и пробуя различные способы проводки. Со спиннингом он обращался очень умело, и поэтому, когда при очередном забросе спокойное вращение катушки нарушилось легким толчком, сделал уверенную подсечку. По сопротивлению попавшейся рыбы, и особенно после того, как увидел мелькнувший у поверхности воды широкий щучий бок, Максим понял, что борьба предстоит тяжелая.

Щука, увидав врага-человека, неумолимо потянула на глубину. Спиннинг задержался под мощными рывками, стал сгибаться все сильнее, и Максиму ничего не оставалось, как

сдать леску. С вываживанием крупного хищника торопиться было нельзя: для начала лучше слегка уступить и, только утомив рыбу, можно действовать смелее. Щука долго не сдавалась. Когда спиннингист подвел ее на расстояние вытянутой руки и попытался взять за голову, она рванулась в последней попытке освободиться, окатила его водой, но все же была схвачена и выброшена на берег.

Желая как можно скорее поделиться с друзьями радостью успеха, Максим срезал ножом подходящую ветку, продел ее через жабры в пасть и, неся добычу так, что хвост щуки волочился по земле, поспешил в сторону, откуда пришел. Он ждал, что вот-вот встретит Стаса или сестру, но, дойдя до заводи, где они начинали ловлю, так и не обнаружил ни их, ни Вовика.

Вместо ребят он увидел на берегу мужика, поглощенного процессом рыбной ловли, хотя его серый спортивный костюм не совсем подходил для этого занятия. Держа обеими руками бамбуковое удилище, мужик опускал и периодически вынимал из воды крупную мормышку с насадкой. У ног его, широко раскрывая зубастую пасть, лежала, по-видимому, только что выловленная щука.

– Как успехи? – поинтересовался Максим, стараясь рассмотреть, какая на крючке насадка.

Мужик обернулся и вроде хотел ответить, но, увидав щуку, висящую на кукане, которая была раза в три крупнее лежащей на земле, словно потерял дар речи. По выражению его лица Максим понял, что тот явно завидует солидному трофею, причем какой-то злой завистью. Мужик продолжал молчать, и Максим хотел уже пойти дальше, как вдруг увидел, что кончик его трехколенки согнулся. Мужик и сам догадался, что на крючок что-то попало, и, не медля, потянул удочку вверх. Она согнулась еще сильнее, и через мгновение из забурлившей воды выскочила мотающая головой щука. Он ловко схватил ее в воздухе и, торжествуя, глядя на Максима, издал похожий на победное улюлюканье, клич.

– О! Эта, наверное, на килограммчик потянет, – одобрительно сказал Максим, намеренно преувеличив вес. Он подошел поближе, чтобы все же узнать, на какого живца позарилась речная хищница.

Мужик долго не мог извлечь мормышку из плотно сомкнутой пасти, но когда вытащил ее, остатков живца на крючке видно не было. Он отбросил щуку к пойманной ранее, затем неторопливо ополоснул руки водой и вытер их о траву.

– На что хапнула-то? – спросил Максим, наблюдавший за его действиями.

Мужик снова не ответил, но сделал рукой жест, как бы приглашающий подождать немного. Наклонившись, он поднял с земли стеклянную колбу, что-то вытряс из нее себе на ладонь и протянул руку к лицу спиннингиста. Максим ожидал увидеть лягушонка или, может, кузнечика, но то, что находилось на непривычно широкой ладони, ни в коем случае не должно было там быть – мужик держал перед ним маленького, в две трети спички, человечка!

Максим попытался разобрать черты его лица, но для этого необходимо было иметь увеличительное стекло. Человечек двигался, словно кукла из мультфильма. Он падал и поднимался, он тряс головой и открывал крошечный ротик, может быть моля о чем-то или проклиная кого-то, но Максим не слышал его. А потом человечек опустился на колени и, склонившись и обхватив голову тонюсенькими руками, стал раскачиваться, словно в безутешном горе.

Только теперь до Максима стали доходить вся фантастичность, весь ужас происходящего. Он растерянно посмотрел по сторонам и заметил невдалеке на земле два оснащенных катушками спиннинга, словно приготовленных на продажу, и один из них был тот самый, который Стас отдал Ольге.

– А не принадлежит ли удочка, на которую ловил мужик, Вовику? – подумал Максим. – И куда, в конце концов, подевались его друзья? – он открыл, было, рот, чтобы задать этот вопрос, взглянул на мужика и словно напоролся на его противную бульдожьё ухмылку.

* * *

Максим очнулся за несколько секунд до внезапного погружения в воду. Никогда еще он не чувствовал себя до такой степени отвратительно. Его слух страдал от сонмища незнакомых звуков, прорывающихся сквозь постоянный гул, напоминающий шум деревьев в очень ветреную погоду. Резкие неприятные запахи накатывали волнами, вызывая тошноту. Попытка пошевелить руками и ногами удалась лишь отчасти, – Максим понял, что руки и правая нога его привязаны к какому-то холодному и мокрому столбу. Вместе со столбом его кружило и болтало, отчего тошнота еще сильнее подступала к горлу. Он не имел ни малейшего желания открывать глаза, боясь, что станет совсем неспособен. Но открыть их было необходимо, хотя бы для того, чтобы узнать, что же с ним происходит. Он уже решился на это, когда вдруг ощутил сильнейший удар о воду. Максим инстинктивно задержал дыхание. Он понял, что, будучи кем-то привязанным к столбу, он был еще и раздет догола и что теперь этот «кто-то» пытался его утопить!

Мгновенно все неприятные ощущения вытеснились страхом захлебнуться. Погружаясь все глубже, Максим извивался всем телом и отчаянно дрыгал свободной левой ногой. Он чувствовал, что руки, связанные позади столба не очень прочно, и при должном старании можно высвободить. Однако для этого необходимо иметь запас времени, а как раз им-то Максим и не располагал.

С каждой секундой его легкие все больше нуждались в порции спасительного воздуха, и все сильнее овладевала им паника от безвыходности положения. Но вот что-то с силой потащило его вверх и вырвало из воды. Сделав несколько судорожных вдохов, Максим открыл глаза. Снова на него обрушились какофония оглушающих звуков и шквал противнейших запахов, снова его затошнило. Но то, что увидел Максим, поразило больше всего. Он увидел, что привязан не к столбу, а к огромному заостренному металлическому крюку, вместе с которым он раскачивался над обширным водным пространством. Самым же удивительным было то, что весь окружающий мир вырос до невероятных размеров! Разглядеть что-то конкретное он не успел, потому что крюк стал стремительно приближаться к воде и ухнул в нее, увлекая привязанного Максима на глубину.

Множество вопросов, нагромождаясь, наскакивая друг на друга, пронеслись в голове беспомощного парня в эти секунды: «Что же такое со мной происходит? Кому и для чего понадобилось раздевать и привязывать меня к огромному крюку? Откуда вообще мог взяться крюк такой величины? Для чего меня сначала окунают в воду, чуть не утопив, потом поднимают, давая отдышаться и снова окунают? И почему весь мир вдруг стал таким большим? Как все это объяснить? Может быть, я сплю? В таком случае, почему же мне так плохо? Почему я так нуждаюсь в воздухе? В глотке свежего воздуха!»

Рывок вверх и взлет над водой.

«Дышать! Какое счастье, что можно снова дышать! Как прекрасно снова увидеть мир! Но все же почему мир стал таким необъятным? И что за чудовище высотой с многоэтажный дом возвышается на таком далеком берегу? Не человек ли это, выросший в несколько раз? Таких гигантов просто не может существовать в реальной жизни. Может быть это галлюцинация? Кошмарная галлюцинация?»

Длинная-предлинная палка, которую великан держит в руках, была направлена в сторону Максима, но куда-то вверх. Максим, болезненно поморщившись, задрал голову и увидел, уходящий из-за своей спины в высоту, толстый полупрозрачный канат. «Наверное, канат

соединяет крюк, к которому я привязан, с палкой, и получается, что я нахожусь целиком во власти этого огромного существа, и именно оно окунает меня в воду, – сделал Максим неутешительный вывод. – Какой же я маленький по сравнению с ним! Наверное, я кажусь ему всего-навсего лягушонком, которого легче легкого, к примеру, раздавить между пальцев или привязать к огромному крюку. А может к рыболовному крючку?!»

Ответ сразу на все вопросы пришел, когда Максим в третий раз врезался в воду. Он вспомнил, что совсем недавно видел точно такого же голого крошечного человечка, каким являлся сейчас сам. Человечек, копошившийся на ладони рыбака с бульдожьим лицом, предназначался для использования в качестве насадки на крючок мормышки. Еще Максим вспомнил, что перед тем как потерять сознание, увидел в другой руке мужика, направленную на себя блестящую коробочку с рычажками. Не коробочка это была, а неизвестный прибор, при помощи которого молчаливый мужик и сотворил с ним чудо, уменьшив до размера игрушечного солдата! И сделал он это затем, чтобы, привязав к крючку, превратить в живца, на которого ловить рыбу.

НЕТ! ТОЛЬКО НЕ ЭТО!

Очередной подъем из воды, и через несколько секунд – погружение. Не просто погружение, а опускание плавными качками. Так бывало, и сам Максим привлекал хищника мормышкой, только сажал на крючок извивающегося навозного червя, а не живого человека. Он догадался, что мужик периодически вынимал мормышку из воды для того, чтобы живец, то есть человек, не успел захлебнуться. Удочка, на которую он ловил, конечно же, принадлежала Вовику, а спиннинги, что лежали на земле – Стасу и Ольге.

«Господи, неужели он превратил в лилипутов всех нас? При мне он поймал вторую щуку, которая не пропустила такой лакомый кусочек, как маленький человек и впилась своими иглоподобными зубами в незащищенное голое тело! Быть может в тот самый момент на крючке была моя родная сестра. И она, так же как и я сейчас, безуспешно пыталась освободиться от веревок и чем больше дергалась, тем быстрее привлекла внимание рыбы убийцы?»

Останься Максим еще хоть на секунду в воде, он непременно бы ее наглотался. Но рыбак не допустил напрасной гибели драгоценного «живца», вовремя вернув его в привычную среду обитания. Вдыхая спасительный воздух, Максим почувствовал, что стягивающая руки веревка, наконец-то ослабла, и возможно достаточно всего пару рывков, чтобы ее сбросить. Перед тем, как вновь быть окунутым в воду, он вдохнул как можно глубже.

Несколько энергичных отчаянных движений руками, и они свободны! Теперь надо быстрее отвязать ногу. Максим смутно представлял, что делать потом. Главное – соскочить с крючка. Главное – не быть живцом!

И тут в прозрачно-зеленой воде, прямо перед собой он увидел огромную рыбину. Максим замер, пытаясь отогнать одолевавшие его мысли о невозможности происходящего. Он верил, что все это происходит с ним не во сне, а на самом деле, что он не сказочный персонаж и не мультгерой. Он верил, что наблюдавшая за ним рыба, готова в любой момент наброситься на свою жертву. Но он знал, что неподвижная приманка вряд ли соблазнит хищника, и поэтому ни в коем случае нельзя делать ни малейшего движения. Но и мужик-чудовище, держащий удочку, знал повадки рыб и продолжал поигрывать живцом, постепенно поднимая его к поверхности.

Максим успел подумать, что хищник даже будучи сытым, может схватить ускользающую добычу, коей он сейчас и являлся, а рыба, словно прочитав его мысли, ринулась на соблазнительный деликатес...

* * *

Максиму здорово повезло, что, будучи в роли живца, он привлек внимание не щуки, а менее зубастого и опасного речного хищника – окуня. Полосатый разбойник атаковал необычную приманку, но не успел проглотить ее или хотя бы сжать челюстями. Моментажно подсеченный и вырванный из родной стихии, окунь затрепетал, задергался в воздухе и, порвав губу, соскочил с крючка. Вместе с ним сорвался и, окончательно развязавшийся Максим, и отлетел по инерции за спину мужика далеко на берег. Он удачно приземлился в зарослях крапивы, не разбившись и не получив увечий, хотя и потеряв сознание.

Окунь же плюхнулся к ногам мужика и запрыгал по направлению к воде. Мужик поспешил схватить ускользящий трофей, поранив при этом о растопыренный колючий спиной плавник пятый и шестой пальцы левой руки.

Желтая кровь шустрými струйками окрасила кисть и испачкала скафандр межзвездного пилота-ловца Датца. Он был удивлен и в то же время обеспокоен случившемся. Впервые за все турне по четырем планетам, которые посетил Датц, добыча проявила такую агрессивность. Нигде промысел животных, обитающих в воде не составлял особой сложности. Иногда возникали проблемы с орудиями лова и с имитацией действий так называемых «разумных аборигенов». Но здесь он быстро разобрался, что к чему и даже проявил изобретательность, используя в качестве приманки самих аборигенов, уменьшенных при помощи «Выборочного Преобразователя». Правда, трофей одного из них был намного крупнее, чем особи, пойманные самим Датцем. Зато на этого последнего попала такая необычная, полосатая, колючая и злая особь.

С другой стороны получить ранения во время турне, даже почетно, – можно будет похвастать шрамами по возвращении домой. Однако главное сейчас – принять меры безопасности от возможного заражения, срочно обработав рану противоядиями. Датц достал из скафандра «Выборочный Преобразователь», передвинул регулятор в позицию обратного увеличения, и среди зеленых зарослей возник купол его туристического межзвездного корабля, в который и поспешил за аварийно-медицинской аптечкой.

* * *

Вместе с кораблем Датца в зону обратного увеличения попал и Максим. Он очнулся, открыл глаза и увидел нависающие над собой крупные темно-зеленые листья. Протянув руку, он сорвал ближайший листок, который немилосердно впился ему в пальцы жгучими волосками.

«Крапивушка, родненькая, – никогда еще не думал Максим об этом злом растении с такой нежностью. – Если меня жалит обыкновенная крапива, то, значит, я не съеден, я жив, я снова стал нормальным человеком!»

Он кое-как поднялся на дрожащих ногах и потихоньку побрел по направлению к реке. Листья и стебли крапивы немилосердно обжигали его незащищенное тело, но разве сейчас это имело какое-нибудь значение. Максим понимал: ему необходимо сделать что-то очень важное, но пока не осознавал, что именно.

Зеленовато-матовый, под цвет окружающих растений, купол трехметровой высоты, напоминающий по форме суженную половину куриного яйца, на который он наткнулся через несколько шагов был совсем неуместен на берегу Москвы-реки. Максим сразу догадался, что это, непонятно откуда взявшееся сооружение, имеет непосредственное отношение к случившемуся с ним происшествию, и очень испугался. Еще больше он испугался,

увидев, что часть стены купола начала менять цвет, становясь как бы прозрачной, и из этой прозрачности на землю шагнул давешний мужик с бульдожьим лицом.

Максим вовремя присел и остался незамеченным. Однако он прекрасно видел, как мужик аккуратно натянул серую перчатку на свою, окрашенную в ядовито-желтый цвет шестипалую ладонь, а затем достал из кармана костюма блестящую коробочку, направил ее на купол, и тот мгновенно исчез, словно его и не было.

* * *

Датц передвинул регулятор «Выборочного Преобразователя» в нейтральное положение. Обезопасив пораненные пальцы противоядной перчаткой, он больше не беспокоился о своем здоровье и чувствовал себя превосходно. Вот только одна мысль никак не давала покоя самолюбию межзвездного пилота-ловца, – мысль о животном, добытым аборигеном. Выходило так, что это, обладающее примитивнейшим разумом существо, оказалось удачливее чем он, и Датц решил во что бы то ни стало исправить положение, поймав экземпляр еще крупнее. Неплохо было бы освоить и орудие лова, которым пользовался тот абориген.

Датц аккуратно положил на траву «Выборочный Преобразователь», взял один из спиннингов и, подойдя к самой воде, стал изучать принцип его действия. Он догадался, что в данном случае вместо живой насадки используется изогнутая металлическая пластинка, и что три крючка применяют вместо одного для более надежного удержания попавшейся особи. Простота в обращении со снастью понравилась Датцу, и он с удивлением и даже уважением подумал о ее изобретателях. Но каково же было его удивление, когда, почувствовав что-то неладное, он обернулся и увидел направленный на себя собственный «Выборочный Преобразователь» в руках того самого, четвертого аборигена, уменьшенного им и скормленного полосатой колючей особи.

* * *

Маленького голенького человечка Максим разыскал в ворохе бывшей ему в пору всего несколько секунд назад, одежды. Предполагая, что вскоре тот должен очухаться, он переложил человечка в стеклянную колбу, в которой вероятно находился и сам, будучи таким же маленьким. Отыскав на берегу свои вещи, Максим оделся и обулся, не выпуская из рук блестящую коробочку-приборчик, пользуясь которым он мог теперь творить чудеса. Но он не думал об этом. Он видел валявшуюся на земле одежду Ольги, Стаса и Вовика, видел их спиннинги и удочку, видел щук и окуня, пойманных мужиком-пришельцем и представлял, какая ужасная смерть постигла его родную сестру и друзей.

Теперь он точно знал, что должен сделать. Он смотал и оторвал с катушки спиннинга кусок лески. Потом вытряхнул себе на ладонь пленника колбы, который уже начал слабые шевеления. Привязывая человечка к крючку мормышки, Максим оставил одну его ногу свободной, понимая, что так «живец» больше будет дергаться и быстрее привлечет хищника.

Дождавшись, когда крошечный человечек откроет глаза, он плюнул на него, как заправский рыбак плюет на червяка, и забросил «живца» подальше от берега. Поклевка произошла мгновенно. Он подсек, и удочка согнулась под тяжестью сопротивляющейся рыбы.

Торопиться с вываживанием Максим не собирался...

Плавающий букет кремовых роз

Мне и самому было смешно. И я действительно громко рассмеялся, поддержав донесшийся до меня гогот рабочих, реставрирующих мост через Истру и наблюдавших сцену моего «кувыркнадзе» с обрывистого берега реки в ее прохладные воды.

Да, кувыркнулся я знатно! И что обидно – успел пройти по самому краю берега несколько подобных, с виду вполне безопасных мест, но именно на этом, самом, на первый взгляд, ровном участке потерял под ногами почву и-и-и...

А виноват во всем – голавлик! Бойкая серебристая рыбешка выскочила за блесной, но я зачем-то поддернул спиннингом, и резкое ускорение приманки насторожило мой потенциальный трофей, который мгновенно исчез в пуклях зеленых водорослей. Чтобы спровоцировать пугливого голавлика на новую атаку, я посчитал нужным сместиться вверх по течению. Вот и сместился!

Слава тебе Господи, я не покалечился. Просто провалился ногой в скрытую травой ямищу, по инерции полетел вперед и свалился с невысокого, в общем-то, обрывчика в те самые прохладные воды моей любимой речки Истры.

Ни спиннинг, ни катушка не сломались, мобильник остался в кармане жилетки; две коробочки с блеснами, все-таки выскочившие из сумки, и слетевшая с головы бейсболка, благополучно были подобраны с поверхности воды, пока их не унесло течением; и главное – в своем полете-кувыркании я умудрился не напороться на торчащий по диагонали к воде ствол дерева, заостренный в виде заточенного карандаша, по-видимому, стараниями бобров ...

Мой смех разом оборвался, когда я увидел этот кол, белеющий из-под нависшей над водой травы. Каким образом я умудрился миновать его во время падения? А если бы не миновал?! Так и повис бы на нем, и хорошо, если реставрирующие мост рабочие услышали бы мои крики-хрипы...

Впрочем, сколько уже в моей жизни случилось, или не случилось, таких вот «если бы»? Во всяком случае, не меньше, чем в жизни любого другого человека, который не сидит сиднем дома перед телевизором и компьютером, а любит, как и я, путешествовать, охотиться, рыбачить. Если вспомнить, на той же Истре столько со мной случалось всякого, мягко сказать – «непредвиденного», что узнай хотя бы о половине тех приключений жена, то под угрозой развода не пустила бы меня одного на любимую речку.

Хотя, что значит «не пустила бы»?! Можно подумать, я стал бы у нее разрешения спрашивать! Вот и сегодня, проснувшись, когда моя благоверная уже упорхнула на работу, и пару часиков побездельничав, я осознал, что выходной пропадает совершенно бездарно. Меня словно что-то подтолкнуло и, быстро собравшись, я еще через полтора часа уже брел по берегу реки с собранным спиннингом. Так же, как шел и сейчас, только теперь мои брюки и кроссовки были насквозь мокрыми.

На ходу все-таки соизволил позвонить благоверной, «обрадовав», что нахожусь на рыбалке, но и, успокоив, что уехал один, а значит, особо не задержусь и главное – вернусь домой почти трезвым...

Я слегка торопился, хотел побыстрее оказаться на одном из самых моих любимых мест на реке и там выжать вещи, ну и перекусить, да пивка выпить. Тропинка вилась вдоль берега, заросшего высокой травой, в которой имелись редкие проходы, протоптанные к воде рыбаками.

К моему любимому месту прохода как такого не имелось, поэтому-то про него почти никто не знал. Увидеть его можно было лишь с воды или с противоположного берега, но там никто не ходил из-за сырости и даже заболоченности. С моего берега место скрывалось за

тремя растущими почти вплотную друг к другу ивами и густыми зарослями крапивы между ними, пробраться сквозь которые, можно было лишь, зная пару неожиданных поворотов.

Когда-то я раскрыл «тайну трех ив» своей будущей благоверной. Она никак не ожидала обнаружить в общем-то достаточно людном месте такой уютный, тихий уголок, со всех сторон укрытый от посторонних глаз, и в такой неожиданно интимной обстановке не смогла устоять против бурного проявления моих чувств...

Рыбалка на поплавочную удочку под теми ивами тоже всегда доставляла удовольствие. Берег был слегка обрывист, от края до воды – около метра; но зато там имелась достаточно просторная и ровная площадка, на которой даже вдвоем не было тесно; забрасывать удочку ветви деревьев не мешали, а попавшаяся рыба без труда заводилась в подсачек на длинной ручке. Омут под берегом, кстати, был довольно глубокий, соответственно и рыба в нем водилась немаленькая: подлещики, крупная плотвица, окуни-горбачи.

К сожалению, именно водилась, то есть, ловилась в былые времена, когда Истра не мелела до такой безобразной степени, как в последние четыре-пять лет. Правда, и я к ловле на поплавочную удочку заметно охладел. Спиннинг – вот самая интересная, самая спортивная снасть; на него и трофеи попадаютя посолидней, и сама спиннинговая рыбалка, не в пример другим, динамичней и азартней. Но все же в те самые былые времена ловля на обычную бамбуковую удочку под тремя ивами доставила мне немало изумительных, незабываемых мгновений.

И еще одно. Метрах в семидесяти выше по течению, где река делала небольшой изгиб, имелся песчаный пляжик, на который после посещения Ново-Иерусалимского монастыря и скита патриарха Никона приходили верующие, чтобы совершить омовение. Считалось, что искупавшийся в этом месте, на целый год уберезет себя от всех болезней. Большинство из приходивших были немолодые женщины, но приводили они с собой и девушек, заставляя приобщавшихся к вере скромниц тоже раздеваться и купаться в Йордани – так река называлась по церковному.

От моего, скрытого в зарослях места, до того пляжика было немного далековато, но юношеское воображение дорисовывало детали, и сколько же поклевков я прозевал из-за тех купающихся скромниц!

С тех пор минуло лет пятнадцать, скит патриарха Никона отреставрировали, от него к реке провели дорожку, а на берегу соорудили деревянный мосток, чтобы верующим удобней было совершать свои обряды-омовения. Полюбилося это место и молодоженам, и теперь редкая местная свадьба обходилась без посещения Истры-Йордани под патриаршим скитом...

Вот и сейчас, приближаясь к очередному изгибу реки, я увидел разодетую толпу молодежи и впереди невесту – всю в белом и жениха – в черном. Радостные возгласы, фотокамеры, цветы, шампанское, белые пластмассовые стаканчики... Кто-то окликнул меня, предлагая выпить за здоровье молодых, но я лишь пожал плечами и показал на спиннинг, мол, рыбалка всего важней.

Потом поймал взгляд невесты – вылитой куклы и очень пожалел, что вступающие в брак не переняли традиции верующих, то есть, голышом купаться в реке для сохранения здоровья. Ох, было бы на что поглазеть! А потом встретился взглядом с женихом и сразу отвернулся. Но и мгновения хватило, чтобы, во-первых, отказаться от мысли подглядывать за купающимися молодыми и, во-вторых, задаться вопросом, как молодая, красивая девушка умудрилась выбрать в спутники жизни такого «симпатягу»? Фрак и рубашка жениха казались гораздо светлее его густой черной шевелюры, такого же цвета косматые брови належали на маленькие глаза, короткие коричневатые волосы росли не только на подбородке и верхней губе, но и на щеках и даже на носу с раздувающимися ноздрями. Если уж лицо у жениха такое заросшее, что же говорить о теле! Бедная невеста. А, может – оригиналка?

Бывает же, что кто-то возбуждается от слишком толстых, либо старых, либо от таких вот волосатых уродов...

Я пошел мимо, заставив себя не оглядываться, хотя казалось, что взгляд жениха жжет затылок, и постарался переключить мысли на дальнейшую рыбалку. Впереди на реке имелось еще много симпатичных местечек, но прежде следовало сделать привал.

Вот три старых ивы, вот густая, в рост человека крапива вокруг них, два секретных поворота, короткий спуск, и я оказался на аккуратной площадочке, можно сказать, оказался в своем крохотном, защищенном от посторонних глаз мирке. Отложил в сторону спиннинг, быстро скинул сумку, рюкзачок, достал из него баночку «Ярославского янтарного», сделал несколько жадных глотков и только тогда обратил внимание на среднюю из трех ив. Примерно в полуметре от земли ствол дерева, белея сердцевинкой, почти целиком сходил на конус сверху и снизу. Вокруг валялись щепки с характерными следами бобровых зубов.

Это ж надо, куда мохнатые добрались! Глядишь, грызуны скоро и в самом городе речку плотиной перекроют.

Дерево было жалко. Росло себе столько лет, росло и вдруг пришлось по вкусу бобровым зубкам. Еще немного и свалится прямо в реку, и от моего любимого места останутся одни воспоминания...

Расстроенный, я снял кроссовки и носки, как мог, их выжал, со штанами возиться не стал, – и так уже на половину высохли. Не обуваясь, достал из рюкзака фляжку с водкой, раскладной стаканчик, бутерброды, помидор, редиску, соль. С горестным вздохом выпил пятьдесят граммов за погубленное бобрами дерево.

Я вообще деревья люблю. В детстве посадил несколько своими руками. А теперь, когда бываю на природе, люблю подойти к березке или сосне, прижаться ладонями к теплому стволу, обнять его и так постоять несколько минут, ни о чем не думая...

Бобры их вон тоже любят. Грызть!

Вновь наполнив стаканчик, я увидел букет в серебристой обертке. Течение принесло его к моему берегу. Здесь, благодаря омуту, начиналось кружение воды, и вместе с редкими опавшими листьями и веточками букет попал в этот медленный водоворот, – то отдаляясь от меня и приближаясь к основной струе, то вновь возвращаясь к берегу. Дунувший ветерок задрал обертку, предоставив моему взору пять крупных распустившихся бутона роз нежнейшего кремового цвета.

Не успел я подумать, что на месте невесты ни за что не расстался бы с такой красотой, да и не было здесь никогда традиции бросать в воду букеты, как со стороны пляжа с мостком раздались вопли, никак не похожие на радостные. Опрокинув стаканчик в рот, я привстал, чтобы посмотреть сквозь листву, в чем там дело.

Разодетые по-праздничному парни и девушки, оставив молодоженов на мостке у воды, не прекращая вопить и визжать, без оглядки улепетывали по направлению к патриаршему скиту. Странные, однако, у местных свадебные обряды! И что же молодые собираются делать дальше? Неужто, и впрямь купаться? Или...

Невеста, в колышущейся на ветерке фате, закрыв лицо руками, стояла на самом краю мостка, а опустившийся на колени жених, приподнял подол белоснежного платья, склонился к ее ногам и... Быть может, принялся их целовать?

В наступившей тишине до меня донеслось отчетливое «Хрум-хрум-хрум...»

Не отрывая взгляда от оригинальной парочки, я протянул руку назад, наткнулся на банку пива, машинально схватил ее и сделал два торопливых глотка. Отставил банку в сторону, дотянулся до рюкзака, нашарил в кармане бинокль... И вот тут-то жених отпрянул от своей куколочки, плавно развернулся и бочком соскользнул с мостка в воду. Я даже всплеска не расслышал, только хрумканье продолжало свербить в ушах. А невеста, так и не убрав рук от лица, вдруг медленно, словно спиленное дерево, начала заваливаться вслед за женихом в

воду, но в отличие от него, плюхнулась с оглушительным всплеском и поднятием фонтана брызг.

Зато на мостке, где она только что стояла, осталось что-то белоснежно-красное. Я поднес к глазам бинокль и движением пальца навел резкость. Белоснежной оказалась туфелька на высоком каблуке и нога в кружевном чулочке. Вернее, часть ноги (высотой от ступни до колена), в этой туфельке оставшаяся и превратившаяся во что-то наподобие заточенного карандаша, грифелем которого была заостренная кость. Ну а красным, как нетрудно догадаться, была кровь, по этому «белому карандашу» стекающая.

«Хрум-хрум-хрум-хрум-хрум-хрум...»

Я, наконец-то, обернулся на непонятный звук и в последнее мгновение увидел стремительно приближающийся к моему лицу ствол дерева...

* * *

Так сильно мои ноги замерзали только раз в жизни – прошлой осенью, в один из последних дней ноября, когда мы с другом Сергеичем приехали на Истру с ружьишками.

Откровенно говоря, это скорее можно было назвать браконьерством, чем охотой. Путевки мы не брали, да нам бы их и не выдали – на водоплавающую в это время охота уже закрыта, а на другую дичь здесь вообще никто не охотился. Но и представители охотинспекции эти места игнорировали, а нам жуть как хотелось пройтись вдоль реки по неглубокому еще снежку, в надежде поднять с лежки зайца, или с воды – не успевшую улететь в теплые края утку.

С уткой мы не прогадали. Не успели подойти к излучине реки, как стайка из четырех штук с возмущенным кряканьем взлетела из-под ближних кустов и, не набирая высоты, но, набирая скорость, попыталась скрыться. Идущий впереди Сергеич, не долго думая, вскинул ружье, отдулел, и летящий последним селезень, растопырив перебитое крыло, шмякнулся в воду в каком-то метре от нашего берега. Дружище с радостным криком метнулся на поиски подходящей палки, чтобы его достать, и в это время из тех же самых кустов с громким кряканьем поднялась еще одна утица. Я зацепил ее с первого выстрела, но в отличие от подбитого Сергеичем селезня, эта почти дотянула до берега противоположного. И, опустившись на воду, поплыла к ближайшим зарослям, но я, неплохо изучивший повадки хитрющих водоплавающих, прицелился и вторым выстрелом лишил ее шансов на спасение.

Однако появилась проблема, как ее доставать, – не вплавь же! Вообще-то для подобных случаев у меня в рюкзаке всегда имеется короткий телескопический спиннинг. Если подбитая утка падает в воду, мне достаточно сделать несколько забросов блесны, чтобы подцепить ее тройником и вытащить. Но в этот раз течение сразу занесло мой трофей в кусты, в которых блесна могла запутаться, и пришлось бы ее обрывать.

Оставалось доставать утку с того берега, а для этого перейти речку по мосту, что был километром ниже. Но и там мне не очень повезло: между основным берегом и затопленными кустами, где застряла кряква, оказалось метра четыре воды, причем, воды глубокой – в моих сапогах высотой по колено – не пройти. Но не бросать же птицу! Можно было попробовать выбить ее из кустов на течение выстрелом, но с такого близкого расстояние плотный заряд дробы превратил бы трофей в пух да перышки.

В итоге, я нашел под снегом ветку подлиннее, разделся снизу до трусов и полез в воду. И очень быстро об этом пожалел, потому что вода, с каждым шагом поднимающаяся выше и выше колен, была не просто холодной, а ледянее ледяной. Да и утка, как назло, застряла основательно, и я замучился ее выталкивать на открытую воду. Когда же это, наконец, получилось, и трофей отправился в свободное плавание, мне было уже не до него и вообще ни

до чего. Главное – согреть окоченевшие ноги. Которыми, после воды пришлось еще сделать несколько шагов по снегу.

Я скинул куртку, бросил на снег, сам повалился на нее спиной, и принялся шапкой немилосердно растирать мои задранные вверх, несчастные ноги. Кошмар! Пытка!! И помочь некому – Сергеич где-то на той стороне застрял. Да еще и моя утка куда-то там уплывает. О ней я вспомнил, только когда ноги немного отошли. Быстро обулся и побежал вниз по течению.

Течение, кстати, было довольно сильным. Я добежал почти до моста, когда увидел мою утку – темный комочек, плывущий посередине реки. Теперь деться ей было некуда, разве что за мостом течением прибьет к противоположному берегу.

Или, если ее не присвоит кто-нибудь другой! Мне оставалось до моста каких-то метров тридцать, утка как раз заплывала по него, когда из-за ближайшей опоры появилась черная приземистая фигурка. Если бы не мелькнувший в последнее мгновение своеобразный плоский хвост, я бы подумал, что это либо собака, либо огромных размеров кошка. Но такой хвост мог принадлежать только бобру. Уже нажимая на спусковой крючок, я пожалел, что делаю это. Тем не менее, выстрел прозвучал, в тот момент, когда бобер прыгнул в воду. Когда я через пару секунд оказался под мостом то увидел лишь расплывающееся по поверхности багровое пятно.

– Ты чего, решил свою утку в дуршлаг превратить? – раздался сверху голос Сергеича.

– Да нет. По бобру сдуру стрельнул, а он сразу ко дну пошел, – объяснил я приятелю, спустившемуся с моста.

– Откуда здесь бобрам взяться?

– Да мало ли откуда... Охота-то на них закрыта, вот и расплодились...

– А зачем загубил зверюгу, если знал, что если утонет, его все равно достать не получится?

– Говорю же – в азарте выстрелил! – отмахнулся я.

– Бывает, – сразу прекратил досаждать Сергеич. – А я, погляди, какого крякового завалил!

Он скинул с плеч рюкзачок и предоставил мне на обозрение красавца-селезня:

– И по такому делу я предлагаю...

– Да я-то как раз двумя руками – за, – согласился я, не дожидаясь окончания недвусмысленной фразы. – Но не будем же мы под мостом твой успех отмечать! Тем более, я еще свою утку не достал.

– Так чего же ты ее не досташь?! – справедливо взмутился приятель.

– Да вот, тебя ждал, чтобы помог, – слукавил я. – Подержи ружьишко, пока я спиннинг соберу.

Тем временем утку унесло за очередной поворот, добежав до которого, я увидел, что ее вот-вот вновь прибьет к противоположному берегу и затопленным кустам, в которых она могла бы застрять окончательно. Я стал забрасывать блесну, рассчитывая, чтобы, упав за утку, она при подмотке зацепила ее тройником за крыло или шею. Уже третий заброс оказался удачным, и я, потихоньку вращая катушку, стал подтаскивать к своему берегу забегренную птицу.

Но вдруг вода под ней всколыхнулась, неясная тень поднялась из глубины и взрывом вырвалась на поверхность. Леска моего спиннинга натянулась, еще пару секунд удерживала пропавшую с глаз утку и лопнула с громким щелчком. Еще мгновением раньше я успел почувствовать что-то похожее на передавшийся мне через леску, спиннинг и руки озарение или импульс. В голове словно обозначилось понятие, смысл которого был: «Не твое, не получишь, не отдам...»

– Что, блесну оборвал? – спросил подошедший Сергеич, увидев свисающий с кончика спиннинга обрывок лески.

– Оборвали. Вместе с уткой оборвали.

– Ну, да, – усмехнулся приятель. – Скажи еще, что это твой бобер оборвал.

Я вопросительно посмотрел на Сергеича, собрался сообщить ему, что, возможно, он совершенно прав, но вместо этого лишь сказал:

– Ладно, уж, давай свою водку, а то у меня ноги совсем задубели...

– А утка-то где? Что, доставать не собираешься? – недоверчиво спросил Сергеич, возвращая мне ружье и скидывая с плеч рюкзаки.

– В кусты под тем берегом занесло, – выдал я более правдоподобную версию. – Доставать ее – только время терять. Лучше других пойдем искать. Но сначала выпьем. А то – ноги мои, ноги...

* * *

Говорят, чтобы не страдать от холода, надо в первую очередь держать в тепле ноги. Но вода быстрой, родниковой Истры даже летом никогда не была теплой. Купание в ней обычно заканчивалось, едва успев начаться. Сейчас, судя по окоченевшим ногам, мое купание сильно затянулось. Вернее, не купание, а нахождение в воде. Вынужденное. Очнувшись после соприкосновения моей головы с упавшей ивой, я испытал нечто вроде шока. И было от чего.

Во-первых, я находился на не берегу любимой речушки, а в какой-то не то огромной норе, не то в маленькой пещерке, наполовину заполненной водой. Свет в пещерку проникал, сквозь щель между отвесным берегом и наполовину обрушившейся площадки, на которой я недавно сидел и под которой теперь оказался, и также через неширокую полосу между водой и противоположной стороной площадки. Во-вторых, кисти моих рук оказались кем-то вставлены в расщелины двух толстых веток торчащих из воды по бокам от меня. При этом вода чуть-чуть не доходила мне до паха. В-третьих, в пещерке я был не один. Напротив меня, точно в таком же полуподвешенном положении находилась девушка в фате – та самая невеста... И, в-четвертых, я различил в сумерках, слева и справа от нее две уставившиеся на меня морды. Одна из которых принадлежала не иначе как тому самому жениху, вторая, хоть и мало чем от нее отличалась, но все-таки была не человеческой а бобровой! И в зубах у этой бобровой морды был букет цветов, завернутых в серебристую обертку.

Мне часто снятся сны, и не всегда радужные, бывают и неприятные, и страшные, и кошмарные. И бывало, что когда кошмарный сон подходил к своей кульминации, я, отказываясь в него верить, заставлял себя проснуться, и... просыпался!

Сейчас я попытался проделать то же самое, то есть зажмурился и замотал головой, приказывая себе проснуться...

– Вот мы и встретились, охотничек за ценным мехом! – прозвучало над моим ухом.

– Что происходит? – открыв глаза, хрипло выдавил я.

– У меня сегодня свадьба, – сообщил жених. – Все, как у людей. Гости, невеста в свадебном платье, первая брачная ночь... Должна была бы быть...

– Какого черта вы меня здесь держите? – мне совершенно не было дела до чьей-то там свадьбы. – У меня ноги замерзли!

– Могла бы быть. Первая брачная ночь, – никак не отреагировал на мои крики жених. – Если бы не тот твой выстрел...

– Какой выстрел?! Я на рыбалку приехал!! Отпускай, давай! – Я рванул, но только причинил рукам боль. – И девушку отпустите! Она вон тоже...

Перед моими глазами вдруг возник мосток и на нем то, что осталось от невестинной ноги.

– Она же... Ты же у нее ногу... отгрыз?

– Это чтобы привлечь твое внимание, пока моя бобриха доканчивала дело с деревом...

Бобриха вытащила лапами изо рта букет и, показав огромные зубищи, издала то самое «хрум-хрум-хрум».

– Нога деревянная была, – подала голос невеста. – Протез.

Я вновь замотал головой в надежде проснуться. Но какой там сон! Стал бы я спать, будучи погруженным в холодную воду, да еще в обществе говорящих бобров и невесты с отгрызенной ногой!

– А ты с ним, поди, целовалась? – задал я глупейший в подобной ситуации вопрос.

– Я не знала...

– Что там было знать?! – перебил невесту жених. – Кому она, одноногая нужна? Она и мне не нужна. А вот тебе...

– Да что здесь происходи-то, в конце концов! – вновь перешел я на крик.

– Кричать – бесполезно! – спокойно сообщил жених-бобер. – Ты, охотничек, себе по-другому помочь сможешь. И себе, и девушке, и моей бобрихе...

– Как – по-другому?

– Как? – переспросил он и замолчал, будто размышляя над собственным ответом. – А вот послушай.

Своим выстрелом тогда, в ноябре, ты мог прервать одну из ветвей рода бобров. Моего рода, который населяет эти места многие сотни лет, и который так и не был истреблен людьми даже в самые голодные времена...

– Уверен, что мне все это не снится, – не выдержал я его монотонного повествования. – Но почему ты разговариваешь? Причем, разговариваешь точно так же, как и я, с той же интонацией... Ты – мутант, да?

– Я – результат вмешательства человека в жизнь бобра.

– То есть, человек научил тебя говорить...

– Научил говорить? – мне показалось, что бобер усмехнулся. – Он сделал гораздо больше! Он образовал новую бобровую ветвь, потомком которой я и являюсь, и которую ты почти оборвал своим идиотским выстрелом!

– Может, все-таки объяснишь? – попросил я. Конечно, в моем положении выслушивать бредни мутирующего грызуна было верхом идиотизма, но дело в том, что я нащупал ногой под водой какой-то корень и теперь пытался приноровиться, чтобы, оттолкнувшись от него, подняться из воды и освободить застрявшие в расщелинах руки.

– Да. И тебе, и ей, – бобер кивнул на дрожавшую от холода невесту, – надо все объяснить и тем самым вас подготовить.

Корень под моей ногой, оказался довольно шатким, надо было придумать что-нибудь еще, а пока – послушать, что там собирался объяснять нам с невестой ее жених.

– Впервые это случилось с моей прабабкой, – стал рассказывать тот. – В то время среди людей шла война, была разруха, и по сравнению с нами – бобрами, жили они впроголодь. Поэтому многие старались, как можно больше пользоваться дарами природы: собирали грибы, ягоды, ловили рыбу, добывали птицу и зверя. Зверя добывали не ружьями, а силками да капканами.

Жил в то время в округе деревенский рыжеволосый дурачок-переросток по прозвищу Игорюня. Люди его не жаловали, всячески потешались над Игорюней, издевались. Поэтому, когда наступали теплые деньки, уходил дурачок из своей деревни в лес, в самую глухомань и жил там поблизости от ручья и плотины, которой мы, бобры, этот лесной ручей перекрыли. Ночевал в шалаше, питался тем, что добывал своими руками в лесу, да все за нашей бобро-

вой общиной подглядывал. Нравилась Игорюне наша жизнь, со временем он даже вместо шалаша соорудил себе хатку наподобие бобровой.

И вот как-то раз попалась рыжему дурачку в капкан молодая бобриха. Пружина капкана сломала ей правую заднюю лапу. Но убивать бобриху Игорюня не стал, а притащил к себе в хатку, лапу залечил, выходил... А потом стал с ней совокупляться, как бобер совокупляется с бобрихой, и как мужчина – с женщиной. Остальные бобры боялись человека и ничем не могли защитить свою соплеменницу. А человек, обделенный раньше вниманием женщин, теперь день и ночь занимался любовными утехами с бобрихой.

Наступили холода, но Игорюня и не думал возвращаться, как в прежние годы, в родную деревню. Хоть и был он дурачком, но понимал, что среди людей не будет ему житья вместе с полюбившейся бобрихой. А бобриха тем временем принесла потомство – четырех бобрят. Которые стали расти в хатке вместе с ней и человеком. Однако зима в тот год выдалась слишком суровой, и если бобры питались ветками деревьев, то человеку была необходима другая еда.

Первое время Игорюня навевывался по ночам в свою и соседние деревни и, уподобляясь лисе, пытался стянуть там хоть какую-нибудь еду. Но деревенские и без того бедствовали, и поживиться ворюге удавалось немногим. Да еще и не повезло дурачку – угодил он ногой в капкан, поставленный людьми на зверя. Из капкана он освободился, но до своей укрытой в делях леса хатки, истекающий кровью и обессиленный, еле-еле добрался. Благо шедший всю ночь снег надежно замел следы, по которым его могли бы выследить деревенские жители.

Пока нога зарастала, ходить Игорюня не мог, а с голоду умирать не хотелось. Сначала он, отгоняя немного подросших бобрят, питался молоком их матери. Потом перешел и на самих детенышей, одного за другим сожрав всех четверых. Материнский инстинкт бобрихи оказался слабее чувств, привязавших ее к человеку-мужу...

Игорюня поправился, и по-прежнему оставался жить вдвоем с бобрихой в хатке. Но теперь в рацион своего питания стал вносить и обитающих в округе бобров, на которых охотился и по прошествии времени, без мяса которых не мог больше обходиться. Бобры не были обучены оказывать сопротивление человеку, а хорошенько спрятаться у них не получалось. Слишком ловким и находчивым оказался дурачок, который своими повадками и образом жизни становился все больше и больше похожим на бобра. Только бобра – хищного!

И поэтому, когда наступила весна, и половодье залило лес, бобры мирные (те, которые выжили) покинули обжитые места и ушли неведомо куда. Остались у плотины через ручей только Игорюня со своей бобрихой. Которая летом вновь принесла приплод из четырех бобрят. К тому времени обобрившийся человек сильно истосковался по любимой пище – сладкому бобровому мясу. Но сразу пожирать потомство он не стал. Первые две с половиной недели вместе с бобрятами сосал у бобрихи из груди молоко. Когда молоко иссякло, и потомство начало становиться более-менее самостоятельным, переходя на питание ивовыми ветками, Игорюня сожрал первого, самого упитанного бобренка. Остальным – соорудил ошейники из стальной проволоки, посадил на привязь и стал подкармливать обычной для них растительной пищей.

Бобриха-мать оставалась безучастной к судьбе своих детенышей. А человек-отец думал лишь о том, как насытить свой желудок, и через несколько дней сожрал живьем еще одного подросшего бобренка. Прошло еще несколько дней, и третий плод боброво-человеческой любви превратился в деликатес для отца-каннибала. Затем очередь дошла до четвертого. Прожившего дольше, чем два его брата и сестра, заживо съеденные у него на глазах. И оскалившего свои окрепшие резцы на того, кто также собирался его сожрать. И не только оскалившего, но укусившего за протянутую руку своего кровожадного родителя.

Это была первая кровь, мизерная месть за все несчастья, что принес Игорюня бобровому племени. Но запах этой капли словно разбудил бобриху. И когда тот, с кем она больше года прожила под одной крышей, приготовился расправиться с ее последним отпрыском, чтобы затем съесть, бобриха прыгнула на него, сбила с ног и вмиг перегрызла горло...

– Значит, загрызла она человека, – нарушил я возникшую паузу, глядя не на рассказчика, а на бобриху, что не сводила с меня глаз, держа в своих кошмарных зубах завернутые в обертку розы.

– Да, – подтвердил бобер-жених. – И оставшийся в живых бобренок ей помог. Это был мой дед. Вместе с бобрихой-матерью они перегрызли дерево, к которому была привязана проволока его ошейника, а затем отыскивали родственное бобровое поселение и примкнули к нему. К сожалению, от самого ошейника моему деду избавиться не удалось – бобровые зубы и лапы оказались не способны справиться с железом, над которым потрудился человек. Через некоторое время ошейник задушил деда, ведь Игорюня не рассчитывал, что детеныш-бобер вырастет. Но все-таки мой дед успел оставить потомство. Из которого выжил лишь один бобер, да и то хромоногий от рождения. Им был мой отец...

– Но откуда ты все это можешь знать? – не удержался я от вопроса.

– Скажу чуть позже, – пообещал бобер и продолжил рассказ. – Отец всю свою жизнь стремился завести и вырастить свое потомство. Потомство рождалось, но в скором времени все помирали, – такую вот наследственность оставил бобрам Игорюня. И все-таки под старость один из его детей выжил – такой же хромой на правую ногу, как отец и дед, но выжил. Этим выжившим стал я...

– Но ведь ты не хромаешь... – во второй раз за все время подала вдруг голос невеста.

– Не хромаю, – согласился бобер. – Благодаря вот ему, – он кивнул на меня и сразу стал рассказывать дальше.

– Моя хромота пропала после твоего выстрела, там, под мостом. Но попавшая в тело дробь, лишила меня возможности производить потомство. И помнишь, когда чуть позже ты пытался вытащить подстреленную утку на спиннинг, у тебя ничего не получилось? Помнишь?!

– Я все прекрасно помню...

– Так вот, это я оборвал твою леску и завладел уткой с блесной в ее крыле. А еще в тот момент я завладел частичкой тебя.

– Как это? – усомнился я. – Такого просто быть не может.

– Как видишь, – может. В тот момент ко мне пришло знание истории моих предков, которую я сейчас рассказал. Но если когда-то дурачок Игорюня почти превратился в бобра, то после твоего выстрела и той возникшей связи через натянутую леску, бобер стал превращаться в человека. Я увеличился в росте, научился ходить прямо, во многих местах лишился волос; мой хвост значительно уменьшился; у меня появилась способность говорить, как говоришь ты; я в одно мгновение узнал то, что знаешь ты; и я могу внушить тебе то, чего хочу я...

– Невозможно!!

– Но ты ведь приехал сегодня на речку. И ты пришел на то самое место, которое подготовила моя бобриха. А я именно на сегодня назначил свою свадьбу. И вот теперь мы все вместе здесь, так как я и хотел.

– Но зачем? Зачем все это?! – закричал я.

– Ради потомства, – ответил бобер.

– Я не понимаю...

– Ты превратил меня в внуха! – повысил голос бобер. – Но я стал частичкой тебя, а ты – частичкой меня. Поэтому если моя бобриха принесет от тебя потомство, я буду считать, что это и мои дети...

– Это невозможно!

– Игорюня так не считал...

– Но я не деревенский дурачок! Я никогда не смогу заняться этим с... с бобрихой!!!

– У тебя нет выбора, – возразил бобер. – У вас обоих нет выбора. Смотри, какая у нас красивая невеста. В подвенечном платье, в фате... Вылитая кукла... Она сделает все, чтобы возбудить тебя. У вас, людей для этого существует много разных способов. Ты обязательно возбудишься, но в последний момент, когда дело дойдет до кульминации, прольешь свое семя не в женщину, а в мою единственно настоящую невесту, которая готова и ждет этого. И только после этого мы вас отпустим...

– Но это невозможно!!! – закричали мы с невестой в один голос.

– Игорь, ты живой? – раздалось вдруг откуда-то сверху.

– Да! Да! – ответил я, узнав голос жены. – Я здесь, здесь!

Бобер, оскалив зубищи, прыгнул на меня, бобриха – на завизжавшую невесту, а я, вложив всю силу, оттолкнулся ногой от подводного корня, рванулся вверх и ударился головой о земляной потолок, который мгновенно обрушился на всех нас.

Под его тяжестью я полностью погрузился в воду, но мои руки уже были свободны, и я отчаянно замахал, забултыхал ими, отталкивая от себя воду и землю, стремясь вырваться на поверхность. И вырвался! И увидел прямо перед собой такую же барахтающуюся свою благоверную. Я вцепился в ее руку, потащил к берегу, схватился за свисающие корни деревьев, потом – за толстую ветвь поваленной ивы, благодаря которой мы и выбрались из воды...

* * *

Я стоял на обрывистом берегу, смотрел вниз на грязную воду, закручивающуюся в водоворот, трясся крупной дрожью и не мог вымолвить ни слова. Вместо меня говорила моя благоверная:

– Я как чувствовала, как чувствовала! Ты позвонил, сказал, что все нормально, но меня будто подтолкнуло что-то! Я ведь уже домой вернулась – на работе стали тараканов морить, вот всех и отпустили. Взяла свой спиннинг и сюда приехала. Подумала, пойду вверх по течению и где-нибудь в этих местах с тобой встречу, сюрприз сделаю. Дошла до наших трех ив, смотрю – всего две стоят, а третья повалена. Дай, думаю, наше место проверю. Спустилась, смотрю – твой спиннинг валяется, кроссовки, рюкзак, а площадка полуобвалилась. Как я испугалась! Подумала, что ты упал, утонул... Но вдруг из-под земли крик услышала... А потом подо мной берег совсем рухнул, и я вместе с ним...

– Б-б-бобры... – выдавил я сквозь стучавшие зубы.

– Вот же грызуны проклятые! Такую липу погубили. И от места нашего только воспоминания оставили. Это тебе еще повезло, что не поломал себе ничего. И мне тоже повезло! А что спиннинги утонули – ерунда...

– Н-н-н-невеста...

– Что – невеста? – нахмурилась моя благоверная.

– Г-г-г-где, н-невеста?

– Все невесты и женихи там, под патриаршим скитом. Пойдем и мы под скит, одежду прополощем и хоть на солнышке погреемся, а то я смотрю, ты задубел совсем...

Она взяла меня под руку и повела по тропинке по направлению к скиту патриарха Никона. Меня продолжало всего колотить, ноги еле слушались. А мысли были только о том, что вот сейчас на деревянном мостке, куда выходят молодые, и я, и моя благоверная увидим огрызок ноги в белоснежной туфельке невесты.

Но когда мы подошли к мостку, он оказался пуст. И лишь немного ниже по течению, в омутке медленно кружил на поверхности воды завернутый в серебристую обертку букет из пяти кремовых роз.

Платник

Лед оказался довольно толстым. Потребовалось с десятков ударов пешней, прежде чем снизу в образовавшееся отверстие заструилась вода, и еще парочка, – чтобы получилась нормальная лунка. Трехдневный мороз сделал свое дело, превратив поверхность озера в твердь, по которой можно было смело ходить, бегать и даже прыгать.

– Ниночка, иди сюда, не бойся, – позвал Ефим Шишигин шестилетнюю дочку, оставшуюся на берегу. – Только аккуратней, лед скользкий.

– Хватай меня, папуль! – девчушка уселась на санки со спинкой, оттолкнулась ногами от заснеженной земли и заскользила по покатоному берегу.

Если бы Ефим хоть немного замешкался, набравшие скорость санки могли докатиться до середины озера и даже до противоположного берега, но он успел схватить их за спинку, при этом едва не упал.

– Больше так не озорничай, – погрозил он дочке пальцем. – И посиди-ка лучше тут, пока я попробую рыбку поймать.

Долго рыбачить Ефим не собирался, просто после работы заглянул на озеро разведать, что да как. А вот завтра неплохо бы приехать сюда с утра пораньше, чтобы еще затемно на самых лучших местах расставить жерлицы с живцами-карасиками, после чего спокойно ловить на мормышечку окуньков да плотвичку весь короткий декабрьский световой день.

Озеро славилось приличными глубинами, чистой водой – благодаря бьющим со дна родникам, и главное – обилием крупной рыбы. Вот только добираться сюда было проблематично. Дорога имелась, но такая раздолбанная, что проще пройти полтора часа пешком, чем застрять на машине в такой колее, из которой ее только трактором вытащишь. Впрочем, ходили слухи, что в ближайшие год-два дорогу приведут в порядок. И в связи с этим у Ефима, жившего неподалеку, в деревне, появилась задумка взять озеро в аренду, запустить в него форель, карпа, толстолобика и организовать платную рыбалку – очень перспективный бизнес...

Сторожок на удочке Ефима дрогнул, и рыболов привычно сделал подсечку. Есть первый окунь! Хорошенький, граммов под сто пятьдесят, таких бы завтра штук двадцать поймать и, считай, рыбалка удалась. Но сегодня такого красавца можно и отпустить. Освободив окуня от крючка, Ефим кинул его в лунку и одновременно со всплеском услышал где-то за спиной:

– Папуль!

Даже еще, не обернувшись, Ефим догадался, что Ниночка провалилась в полынью. Ему самому довелось здесь пару раз искупаться зимой – из-за родников лед кое-где был гораздо тоньше, чем в других местах. Но Ефим-то считал для себя эти купания своего рода вынужденным развлечением, которое заканчивалось большим, чем обычно усугублением алкоголя – здоровья ради. Теперь в ледяной воде оказалась дочь!

Ефим не просто побежал, он понесся, отталкиваясь от скользкого льда, и, кажется, за свой стремительный рывок не успел хотя бы раз вдохнуть-выдохнуть. Ниночка бултыхалась в полынье посередине озера. Каким образом она очутилась именно в самом опасном месте, где мощные струи родника постоянно истончали лед, сейчас было неважно. Главное – спасти дочурку, пусть даже ценой собственной жизни. Но если бы все было так просто!

Лед не трещал и не ломался – ближе к полынье он просто сходил на нет, и в воде невозможно было разглядеть, где, собственно, его кромка. Для тонувшего и для спасающего это был самый худший вариант, тем более, если у спасателя не имелось веревки, которую можно было бы подбросить с безопасного расстояния.

– Сейчас, Ниночка, сейчас я тебя вытащу! – кричал Ефим.

– Папуля... – словно прощаясь, девочка взмахнула рукой и с головой погрузилась в воду.

– Нет! Нет!!! – заорал Ефим, сбрасывая куртку, чтобы немедленно прыгнуть в полынью.

Этого не понадобилось. Ниночка вдруг как-то вся разом с шумом выплеснулась на поверхность, причем, не просто так, а восседая на саночках. Только не на своих, раскрашенных дюралево-деревянных, а на других, словно бы созданных из цельной ледышки. И вся одежда на Ниночке была какая-то ледяная, голубовато-серебристая, только лицо девочки и одна ее рука, потерявшая рукавицу, выглядели живыми, все остальное – заледеневшим.

Рука дочурки тянулась к отцу, и Ефим, оказавшийся на самой кромке тончайшего льда, схватил ее, потянул на себя, но какая-то сила остановила движение, заставила отвести взгляд от Ниночки и перевести на полынью, в которой сначала вывернулся широченный рыбий хвост, а затем показалось старческое лицо, обрамленное колышущимися, словно водоросли, седыми прядями...

* * *

– А вы знаете, мужики, что самое интересное? – взял слово Геннадий Вакиридзе. – Самое интересное то, что Шишига оборзел в корягу! Кидает нашу рыбацкую братию на ровном месте! Нет, в свое время, он все правильно делал. Рыбку в озеро запускал в количестве, рекламу кое-какую осуществил, даже вон, в нашем любимом журнальчике она прошла, – Вакиридзе подмигнул Павлу, редактору упомянутого журнала. – Но реклама – одно, а на деле – что? Туфта полнейшая...

– Постой, ты объясни, в чем туфта-то? – обернулся с переднего сиденья долговязый парень по прозвищу Лыжник. – Намекаешь, что Шишига какую-то свою игру ведет? Типа...

– Да не намекаю я, – не позволив приятелю высказать мысль, взорвался Вакиридзе. – А прямо говорю – мухлюет барыга. Почему думаете вот уже сколько времени ни одной крупной форели никто из нас не поймал? Забыли уже, как она выглядит!

– Ловить не умеем, – бросил сидевший за рулем Женька Голубев.

– Чего?! – возмутился Геннадий. – Это мы-то ловить не умеем? Это Неспокойный ловить не умеет? Который на рыбалке чаще, чем на работе бывает!

– Почему же тогда мелочевка попадает, а крупняк, словно весь перевелся? – поинтересовался Павел.

– Да не перевелся крупняк! Просто Шишига какую-нибудь хитрость придумал, чтобы, когда мы приезжаем, не клеваала на наши приманки крупная форель.

– Какую, например, хитрость?

– Ну, допустим, в определенные часы врубает какое-нибудь излучение, отбивающее аппетит именно у крупной рыбы.

– Не может такого быть? – усомнился Лыжник.

– Все может быть, – сказал Голубев.

– А я предлагаю, не мудрствуя лукаво, спросить об этом у самого Шишиги, – предложил Павел. – Куда, мол, крупная форель подевалась?

– Так он тебе и расколется, – отмахнулся Вакиридзе. – Лучше уж мягко так намекнуть, что если и на этот раз никто из нас ничего стоящего не поймает, пропесочим его водоем сразу на всех рыболовных интернет-сайтах, да еще и в твоём журнале так, что к нему вообще приезжать перестанут.

– Вот ты и намекни.

– Вот и намекну! Уж больно хочется под новый год нормальной рыбки домой привезти...

* * *

Накануне нового года компания давних приятелей на трех машинах приехала на одно из подмосковных озер, где была организована платная рыбалка. В озере водилась разная рыба: щука и окунь, карась и плотва, но рыбаки приезжали сюда и выкладывали денежки не ради них. В последние годы стараниями арендатора Ефима Шишигина в озеро запустили радужную форель, которая так привлекала любителей подледной ловли.

За возможность выйти утром на лед с ледобуром и удочками и ловить рыбу до наступления темноты, Шишигин брал пятьдесят долларов. Пяток пойманных форелей оправдывали затраты, если сравнить стоимость с покупкой той же рыбы в магазине. Кому-то за световой день удавалось поймать больше, кому-то меньше, а кому-то вообще ничего. Последние, как правило, оставались недовольными поездкой, хотя случись им так же не обрыбиться на обычном водоеме, где не требовалось покупать лицензию, никаких претензий бы не возникло – хватало самого процесса рыбалки, свежего воздуха, общения в хорошей компании...

– Вы, гляньте! На льду родилась елочка, на льду она росла! – воскликнул Павел, глядя в окно машины, остановившейся на высоком берегу у егерского домика.

И в самом деле – прямо посередине озера на бревенчатом настиле стояла бочка в которой «росла» довольно высокая пушистая ель, украшенная бумажными игрушками и гирляндами.

– Ого! – удивился Лыжник. – Помню, в детстве такие елки во дворе нашей пятиэтажки устанавливали. Так над этим целая бригада трудилась, а как Шишига-то справился? Не в одиночку же!

Рыбаки высыпали из машин, открылись багажники, кто-то сразу стал облачаться в комбинезоны и теплую обувь, кто-то предпочел для начала отхлебнуть горячего чайку из термоса, а кто-то и опрокинуть стопочку – за приезд. В руках у хозяина водоема, вышедшего из домика, тоже оказалась бутылка, пара стопок и миска с квашеной капустой.

– Знакомые все лица! – расплылся в улыбке Ефим Шишигин. – Вакиридзе! Бердск! Лыжник! Павел – самый знатный рыбовод! С Новым годом, гости дорогие! В честь праздника – каждому в подарок по дозочке! Подходи, пока не остыла! Капусточку сам делал!

От халявы никто из пьющих, конечно же, не отказался. Впрочем, Шишигин не только по праздникам, но и в обычные дни первым делом обязательно угощал приехавших рыбаков водкой. Зато потом, когда у них заканчивалось привезенное с собой спиртное, без стеснения впаривал водку жаждущим догнаться по ресторанным ценам. Изначальная щедрость окупалась сторицей.

– Еще несколько подарочков получите в обед! – сообщил Шишигин. – А, кроме того, самого удачливого в этот день рыболова ожидает сюрприз. Поймавшему больше всех рыбки будет вручен именной абонемент на бесплатное посещение озера два раза в месяц в течение всего последующего года!

– Это все прекрасно, Ефим, – сказал Вакиридзе, хрустя сочной капустой, внушительную щепоть которой достал и подставленной кастрюльки. – Ты лучше объясни, куда крупная форель подевалась? Неужто, всю выловили?

– Какой там выловили, Геночка! Я вам еще один сюрпризец приготовил. Можешь у Неспокойного спросить, кстати, вон он идет. Я буквально вчера выпустил в озеро шесть форелей весом за два кила, а перед этим у каждой на спинном плавнике маленькую бирочку закрепил. Кто такую форелищу сегодня поймает – тому тоже именной абонемент на целый год.

– А если – завтра? – подошедший мужичок, суетливого вида с топорщащимися рыжеватыми усами и носом-картошкой пожал руку Вакиридзе.

- Что – завтра? – не понял Шишигин.
– Если я завтра меченую форель поймаю?
– До завтра еще дожить надо, – посерьезнев, сказал хозяин водоема. – Вдруг ты в полынью провалишься и на корм рыбам пойдешь?
– А что, появились опасные места? – поинтересовался слышавший разговор Павел. Для него такая новость имела значение – так же, как и Неспокойный, он не любил застревать на каком-нибудь одном месте, но предпочитал, как можно больше передвигаться по водоему, сверля лунку за лункой, благодаря чему, обычно ловил больше своих приятелей. С другой стороны, при поиске новых уловистых точек увеличивался риск провалиться под лед...
– В верховье ходить не советую. Да там и рыбы нет.
– А где есть? – тут же поинтересовался Вакиридзе.
– Вон там, там и там, – без какой-либо привязки к месту махнул Шишигин опустевшей бутылкой в сторону озера. – Вы, главное, не забудьте лицензии приобрести...

* * *

Павел первым вошел в егерский домик и увидел дочь хозяина Ниночку, наряженную в бело-голубой костюм Снегурочки и такую же шапочку, из-под которой торчали две короткие косички. Комната была украшена гирляндами, с потолка свисали и крутились на ниточках большие бумажные снежинки, а на столе помимо маленькой искусственной елки стоял в хрустальной вазе огромный букет желтых роз.

- Здравствуйте! – улыбнулась Ниночка. – С новым годом вас!
– И вас – с наступающим! Как все по-праздничному! – у Павла сразу улучшилось настроение. – И даже цветы?
– Это мне вчера папуля подарил. На совершеннолетие.
– Ого! А мы без подарков...
– Подарок в том, что вы приехали, – не успела она договорить, как дверь с улицы распахнулась, и в комнату гурьбой ввалились приятели Павла.
– Представляете, а Ниночке-то восемнадцать исполнилось, – сообщил он.
– Поздравляю! – Вакиридзе шустро отстранил Павла, подскочил к девушке и чмокнул ее в подставленную щечку. – За это надо выпить.
– Потом выпьем! – пробасил Лыжник, в свою очередь, отстраняя Вакиридзе и выкладывая на стол столонную купюру. – А то щас напоздравляемся и вообще на лед не выйдем. Хозяюшка, выпиши-ка лицензии мне и моему дружану Бердску.
– Так! Всем в очередь, – засуетился Вакиридзе. – Я – следующий. И не толкайтесь, не толкайтесь...

Павел предпочел не торопиться. Пока рыбаки приобретали лицензии, стоял в стороне и любовался Ниночкой. Когда за последним из его шумных приятелей захлопнулась дверь, подошел к ней со словами: «С новым счастьем!», – чтобы тоже поцеловать в щечку. Но Ниночка вдруг встала и, обхватив его руками за шею, притянула к себе и впиалась жадными губами в его губы...

* * *

- Паша, ты чего там застрял? – спросил Вакиридзе, когда тот появился на льду озера. – А чего красный такой, словно из бани?
– У хозяйюшки бланки лицензий закончились. Пока новые искала, пока заполняла – вот я и запарился, – соврал Павел, вытирая рукавом лицо. – Клюет?

– А как же! У меня пару раз дернуло, Вызырь-Тызырь поймал одну на килишко, а у Неспокойного – вообще обрыв.

– Значит, все-таки не перевелась крупная форелька?

– Может, и не перевелась. Но ты же знаешь Неспокойного. Он всегда выдает желаемое за действительность. Может, он просто узлы на удочках с прошлой рыбалки не перевязал.

Павел вспомнил, что перед выездом на водоем поленился перевязать узлы – самое ненадежное место с рыболовной снасти. В случае если на крючок сядет крупная рыба, леска могла лопнуть. Он достал одну удочку из пяти, что были в ящике, сел на него, перекусил леску и устался на дрожащие пальцы!

...Ниночка не оставила ему времени снять хотя бы куртку, да и сама осталась в костюме Снегурочки и даже в шапочке. Уже во время первого, затянувшегося поцелуя, он выяснил, что под костюмом Снегурочки из одежды на девушке ничего нет. Все произошло очень бурно и быстро. Это было что-то фантастическое. И если бы не трясущиеся пальцы и не исходивший от всего тела жар, Павел мог бы подумать, что все, случившееся несколько минут назад у него с Ниночкой, ему просто причудилось. Но какой же он получил кайф!

Обычной эйфории от предстоящего процесса рыбалки не осталось и в помине. Зато Павел прекрасно понимал, что запомнит этот день на всю жизнь...

Многолетняя привычка взяла свое – узел на блесне затянулся надежно. Лунок на льду хватало, но Павел привычно расчехлил ледобур и одну за другой, без передыха просверлил еще семь лунок – в ряд, с пятиметровым интервалом. И только после этого, вернувшись на первую лунку, приступил к ловле.

Даже новичку в рыбалке подобная ловля показалась бы довольно простой. Хитрость была в приманке – шаровидном свинцовым грузилом с приделанной полукруглой пластмассовой лопастью с одной стороны и с одинарным крючком с другой. На этот крючок насаживалась тонкая полоска замороженного мяса кальмара длиной сантиметров пять. Хитрая приманочка опускалась на дно, после чего достаточно было, делая взмахи, выдерживая паузы и подматывая катушку, постепенно поднимать ее до самого льда.

Поклевка могла произойти в любой момент, и Павел это хорошо знал. Но все равно не ожидал, что на первой же лунке сторожок согнется при пробном взмахе удилицем. Опытный рыболов машинально подсек и, почувствовав тяжесть на другом конце снасти, подумал, что сегодняшний день удался вдвойне.

Форелька сопротивлялась бойко, но недолго, и на первый взгляд весила она около килограмма. Стараясь не привлекать лишнего внимания, Павел споро снял добычу с крючка и убрал в ящик. Что, впрочем, не укрылось от Вакиридзе, больше следившего не за своей снастью, а за действиями других рыбаков.

– Поклевочка где была? – негромко спросил он.

– Вполводы, – ответил Павел, глядя куда угодно, только не на приятеля. – На первом же взмахе, представляешь?

– Тебе, как всегда везет.

– Мастерство не пропьешь...

В этот предпраздничный день рыболовов на платнике обозначилось немного – человек пятнадцать. Для приехавших это было неоспоримым плюсом. Хотя бы потому что, когда хозяин водоема приступал к процессу выпуска привезенной форели в заранее вырубленную прорубь, к этой проруби сбегалось меньше народу. Та самая форель до поры до времени содержалась и вела полуголодный образ жизни в так называемом «садке» – участке, отгороженном от остального водоема мелкоячеистой сеткой. Ближе к обеду Ефим Шишигин вылавливал подсачеком из садка десятка два рыбин, опуская их в большой бидон, и затем из этого бидона выпускал в прорубь. Форель, ошалевшая от свободы и в то же время жаж-

дущая насытиться, набрасывалась на все, казавшееся ей съедобным. А рыбаки со своими приманками оказывались тут как тут.

Павел не видел в такой рыбалке никакого удовольствия. Сравнивал это с ловлей в аквариуме, а тех, кто подбегал к проруби, сверлил в метре от нее лунку и хапал дурную форель, называл «аквариумистами».

Вот и сейчас, увидев, как Ефим Шишигин тащит на санках бидон к проруби, прорубленной рядом с установленной посередине водоема елкой, а большинство рыбаков, словно магнитом, потянулись туда же, Павел поморщился и, выбрав снасть, сорвался с места и поспешил подальше от этой аквариумистики.

Едва ли не бегом рванул в верховье озера. Лед там почему-то оказался толще, но все равно сверлился быстро, без проблем. Вот только рыбы там, как и предвещал Шишигин, не было. Даже если и была, то на примачи Павла никак не реагировала. Он сверлил лунки одну за другой, но все было бес толку.

Вообще-то Павел никогда не был жаден до рыбы. Ловить умел и порой даже удивлял своими трофеями. Для него на рыбалке более важным было общение с друзьями. Поэтому он планировал еще какое-то время половить в одиночестве, а потом вернуться к оставшимся у елки приятелям, чтобы выпить с ними водки, поболтать и продолжить рыбачить уже в компании, может быть, заключив какой-нибудь спор.

Планы нарушила зазвучавшая со стороны егерского домика музыка и возникшее у елки оживление. Заинтригованный Павел решил узнать, что происходит и ничуть об этом не пожалел. Рядом с елкой на гладком полупрозрачном льду кружилась в танце на коньках Ниночка. Разрумяненная, в костюме Снегурочки, с торчащими из-под бело-голубой шапочки косичками, она не могла не вызвать радостной улыбки. И не только Павел, но и остальные рыбаки радовались устроенному представлению. Так вот какой сюрприз приготовил Шишига?

Но это оказалось только началом сюрпризов. Раздетый под Деда Мороза Шишигин нырнул под елку, вытащил оттуда ящик с водкой, водрузил его на стол. Рядом с ящиком поставил кастрюльку, наполненную, как можно было догадаться, квашеной капусточкой.

– Подходите, господа рыболовы, подходите! – зазывно кричал хозяин водоема. – Всем по стопарику – в честь праздничка!!!

Павел за угощением не пошел. Просверлил лунку, опустил в нее блесну и, ритмично взмахивая удильником, стал наблюдать за Ниночкой. Она больше не танцевала. Внимательно глядя под ноги, нарезала круги вокруг елки, которые становились все больше и больше. Павел подумал, что девушка немало рискует угодить коньком в какую-нибудь лунку, но, видимо, она и сама это прекрасно понимала. Во всяком случае, проезжая мимо, Ниночка даже не обратила внимания на его приветственный взмах рукой.

Павлу это не понравилось, и когда Снегурочка заканчивала очередной круг, он отложил удильник и, расставив руки в стороны, преградил ей дорогу. Ниночка затормозила в метре от него, обдав ноги ледяным крошевом. Задорно улыбнулась и показала язык.

Господи, неужели всего пару часов тому назад они занимались любовью?!

– Чего это твой отец сегодня так расщедрился? – спросил Павел.

– Новый год, – пожал плечами Ниночка. – Вот велел мне обозначить вокруг елки зону, чтобы внутри нее какой-то аттракцион устроить.

– Поэтому ты круги нарезала?

– Ну да. Он просил всех рыбаков внутри круга собраться.

– Зачем?

– Да не знаю я...

– А теперь, – донесся со стороны елки голос Ефима Шишигина, – я предлагаю всем желающим принять участие в конкурсе на скорость сверления лунок! Внимание! Тому, кто быстрее всех просверлит три лунки, дед Мороз подарит две, ДВЕ! бутылки водки!!!

– Ура! – заголосили собравшиеся.

– Господа рыболовы, внимание! – вновь взял голос Шишигин. – Чтобы не было лишней суеты и чтобы не толкаться, предлагаю всем разойтись по границе круга, который очертила коньками наша Снегурочка. Сверлить начнете по команде и только в границе круга. . .

– А ты участвовать не собираешься? – поинтересовалась Ниночка у Павла.

– Бесплезно, – отозвался он, глядя на разбредавшихся по кругу приятелей. – У меня на ледобуре ножи не очень новые.

– Я в этом все равно ничего не понимаю. . . – пожала плечами Ниночка.

– Приготовились. . . Старт! – скомандовал Шишигин.

Полтора десятка ледобуров одновременно вгрызлись в лед. Павел наблюдал такое много раз, участвуя в соревнованиях и по ловле рыбы на мормышку, и на зимнюю блесну. Порой от скорости сверления зависело удачно или нет выступит спортсмен, а таких на льду сейчас было больше половины. Однако первым просверлил три лунки Непокойный, который соревнования игнорировал принципиально. Ледобур у него был не покупной, а самодельный, его-то он и победно поднял над головой.

– Кто бы в этом сомневался, – усмехнулся Павел и с интересом посмотрел на Ниночку. – Ты сама-то рыбу любишь ловить?

– Не-а. Достаточно того, что папуля рыбак заядлый.

– Господа рыболовы! Победитель в конкурсе на самое быстрое сверление лунок определился и получает достойный приз! Но это был лишь первый конкурс! Второй с точно таким же призом начнется буквально через несколько минут. А победителем в нем станет тот, кто первый поймает форель в границах все того же круга, причем, поймать он ее должен в свежесверленной лунке. Итак, трехминутная готовность. Ниночка, что там за отшельник? Тащи его в круг!

– Пойдешь? – спросила Снегурочка Павла.

– Не люблю в толпе ловить, – помотал он головой и решительно просверлил новую лунку рядом с чертой, но с внешней стороны круга.

– Господа рыболовы! Старт!

Вновь зашумели ледобуры. Павел окинул взглядом водоем. Помимо него не стал соревноваться только один рыболов – Лыжник, застрявший неподалеку от берега. Скорее всего, там клевало. Павел к нему не пошел, было все-таки интересно, кто окажется счастливым-ком-победителем. Да и опрокинуть стаканчик время подошло. Не успел он об этом подумать, как со стороны елки к нему вновь подкатила Ниночка.

– Папуля тебя зовет, – развела она руками. – Говорит, очень хочет выпить с самым знатным рыболовом. Просит уважить. . .

– Ладно, уважу, – Павел поднялся с ящика и стал сматывать удочку. – Но при условии, что и ты со мной выпьешь.

– Папуля не . . .

– Один глоточек. В честь праздничка. . .

– Хорошо, – сдалась Ниночка. – Но только сначала вон того рыбачка позову.

Она покатила в сторону Лыжника, а Павел направился к елке, по пути подбадривая соревнующихся. Стоявший на настиле Ефим Шишигин приветствовал его двумя поднятыми стаканчиками.

Настил, на который ступил Павел, оказался крепкий, настоящий плот, возможно, летом он таковым и являлся. И стол, на котором стоял ящик с водкой, тоже был сколочен накрепко, видать, руки у хозяина водоема росли из нужного места. Да и дочка у Ефима – настоящее

сокровище. Чокаясь с Шишигиным, Павел впервые посмотрел на него не как на барыгу, наживающемся на увлечении рыболовов, но с некоторым пониманием, что ли. Все-таки содержать в порядке озеро – дело непростое, здесь и грамотный подход должен быть, и риск присутствует, и немалый труд требуется.

– Напрасно не соревнуешься, – сказал Шишигин, когда они выпили.

– Да они здесь так шумели, что вся форель по углам озера разбежалась. Я лучше капусточкой твоей фирменной угощусь, – Павел запустил руку в кастрюлю. Сейчас намного интересней соревнований ему была Ниночка. Он отыскал ее фигурку рядом с Лыжником, продолжавшим ловить у берега, и нахмурился. Лыжник умел не только неплохо ловить рыбу, но и обольщать девушек...

– Есть! – знакомый вопль заглушил остальные звуки. – Я поймал, я, я, я!

– Ну, теперь всех достанет своей звездностью, – вздохнул Павел, наблюдая за радостным Геннадием Вакиридзе, который напрямую бежал к елке, сжимая пальцами под жабры приличных размеров рыбину.

– Ефим, гляди – с биркой! – радостно сообщил Вакиридзе.

– Ты бы хоть поберег форельку-то, – нахмурился Шишигин. – Ишь, надавил – кровища так и хлещет...

– А чего ее жалеть-то? Моя рыба – чего хочу, то и делаю.

– Может, я ее у тебя выкупить хочу и обратно в озеро отпустить.

– И за сколько же выкупить? – Вакиридзе, остановился напротив стола, с другой стороны которого на него взирали Павел и хозяин водоема.

Ответить Шишигин не успел. Форель, которую держал Геннадий, извернулась и выскользнула из пальцев, а сам рыболов в неудачной попытке ее поймать, шмякнулся на лед. Со всех сторон раздался гогот. Вакиридзе быстро вскочил, но вместо того, чтобы посмеяться вместе со всеми, зло наподдал рыбину носком сапога. Та отлетела и ударилась о бочку с елкой.

Звук удара получился громким, и все, видевшие, как Вакиридзе обошелся с форелью, как-то разом замолчали. Но уже в следующее мгновение тишину нарушила какофония всплесков. Сначала Павел захотел ущипнуть себя – не спит ли, не выпитая ли водка сыграла шутку со зрением. Но, взглянув на Шишигина, понял, что и тот в шоке от увиденного, – из просверленных рыбаками лунок одна за другой выпрыгивали рыбы! С фонтаном брызг они взмывали в воздух на высоту человеческого роста и, извиваясь серебристо-малиновыми телами, падали на лед. Форелей было много – и больших, и маленьких. Это был настоящий форелевый салют, и ничего необычнее и красивее Павел в своей жизни не видел.

Бьющейся на льду рыбы становилось все больше и больше. Рыболовы, сначала пораженные увиденным, наконец сообразили, что это самая что ни на есть халява, и, отбросив удочки, принялись хватать руками скользкую добычу и торопливо засовывать в свои ящики. Но длилось это недолго. Лед в пределах очерченного Снегурочкой круга как-то разом покрылся множеством трещин и начал колотиться. Люди, только что передвигавшиеся по тверди, оказались на раскачивающихся, уходящих из-под ног, продолжавших ломаться льдинах. Соскальзывающие с них рыбы попадали в родную стихию, для людей же купание в ледяной воде не сулило ничего хорошего.

Первым окунулся Вакиридзе. Он тут же вынырнул с ошалелыми глазами и замолотил руками по ледяному крошеву.

– Сюда давай, сюда! – закричал ему Павел, оставшийся стоять на покачивающемся настиле. В кармане куртки у него была веревка с петлями на концах, припасенная специально для подобных случаев. Ему доводилось и самому проваливаться в полынью, и вытаскивать других. Сейчас он машинально достал веревку и приготовился бросить один конец

приятелю, когда тот приблизится на доступное расстояние. Кажется, Вакиридзе его понял и стал грести еще энергичнее.

Со всех сторон слышались крики оказавшихся в воде людей. Кто-то просто орал, очумело размахивая руками, кто-то целеустремленно продвигался туда, где лед оставался крепким.

– Ефим, что происходит? – раскручивая веревку, спросил Павел.

– Человекалка, – голос Шишигина дрогнул.

– Что?

– Я не знал, я не хотел...

– Чего не хотел?

– Он бы ее утопил...

– Ты про что? Кто кого утопил?

– Подледный король! Мою Ниночку!

– Чего-чего? – за криками Павел плохо разобрал слова Шишигина. Да и спасательную веревку уже пора было подбросить приблизившемуся Геннадию. Что Павел и сделал, даже немного перекинув ее через приятеля. Вакиридзе схватил ее со второй попытки. Павел сразу потянул веревку на себя, и она заскользила в пальцах тонущего.

– В петлю руку продень, в петлю!

Со своей стороны Павел продел руку в петлю с самого начала, и когда Вакиридзе сделал то же самое, веревка соединила их, как трос соединяет альпинистов. Теперь оба должны были либо спастись, либо утонуть.

Быстро подтянуть приятеля к настилу не получалось. Павел оглянулся на Шишигина, чтобы попросить помочь и только сейчас начал вникать в суть бормотания побледневшего хозяина водоема.

– ...она была маленькой... Мы договорились,... Он велел мне,... когда Ниночке станет восемнадцать, устроить человекалку... сказал, если я не принесу в жертву рыбаков, он заберет ее к себе под лед...

– Какие жертвы? – прохрипел Павел, натужно подтягивая веревку.

Шум вокруг изменился. Люди, не успевшие выбраться на твердый лед, начали не только материться и звать на помощь, но и визжать, будто их живьем режут. Павел завертел головой и задержал взгляд на Непокойном, который был неподалеку от Вакиридзе. Но если Геннадий одной рукой сжимал веревку, а другой то и дело взмахивал, помогая продвижению, то у Непокойного над водой торчала только голова.

Кажется, сейчас именно он визжал сильнее всех, и через мгновение Павел понял почему. Непокойный с каким-то невероятным усилием выдернул из окружавших его мелких льдинок правую руку, в которую вцепилось сразу несколько рыбин. Это были не только разных размеров форели, но и крупный полосатый окунь и вцепившаяся в большой палец щука. Рыбины не просто висели, они, словно взбесившиеся, мотали головами и отваливались, лишь вырвав кусок одежды или плоти.

Не успел Павел подумать, что Непокойный долго так не продержаться, как голова рыболова исчезла. Рука же, с продолжавшей рвать палец щукой, еще какое-то время торчала из воды, но потом тоже исчезла оставив на поверхности лишь медленно увеличивающееся красное пятно.

– Жертвы? – Павел обернулся к Шишигину, и в это время что-то так сильно ударило снизу в настил, что и тот, и другой еле удержались на ногах.

– Нет! Ниночка, не надо! – закричал хозяин водоема. – Уходи!

Павел посмотрел туда же, куда смотрит Шишигин. Снегурочка, опустившаяся на колени у самой кромки твердого льда, протягивала руку отчаянно гребущему к ней рыбо-

лову. Еще один рыболов неподалеку от них без помощи со стороны уже почти полностью выбрался на лед, как вдруг невидимая сила сдернула его обратно, и утянула под воду.

Меж тем рыболов дотянулся-таки до руки девушки. Она схватила его за запястье и потянула на себя изо всех своих девичьих сил, но этого оказалось достаточно для того, чтобы рыболов сначала лег на твердый лед грудью, затем животом. Казалось, все – спасение. Но тут из воды по дуге выпрыгнула форель и врезалась своей тупорылой пастью прямо Ниночке в глаз. Девушка вскрикнула и схватилась за лицо. А мужик, вместо того, чтобы самостоятельно продолжать выбираться, не нашел ничего лучше, как вцепиться в полы шубки Снегурочки, причем обеими руками. В это время лед за спиной девушки треснул, и от основной тверди отделилась небольшая льдина. Если бы не удерживающий Ниночку мужик, она без труда могла бы перепрыгнуть расширяющуюся трещину, но тот и не подумал ее отпустить. И почти сразу льдина, как и весь лед в пределах очерченного круга, раскололась на мелкие части.

– Папуля!!! – только и успела выкрикнуть Ниночка, прежде чем оказалась в воде.

– Нельзя! Договор, ведь у нас! Договор! – заорал Шишигин, потрясая в воздухе шапкой в зажатом кулаке.

– Спасай ее, Ефим!

Будь Павел на месте отца Ниночки, прыгнул бы в воду, не раздумывая ни секунды. Но на другом конце натянутой веревки оставался Вакиридзе, и прежде необходимо было вытащить его. Шишигин прыгать не стал, зато придумал кое-что другое. От настила до Ниночки было метров двадцать, наверное, чуть больше длины торчащей из бочки елки. Шишигин подскочил к бочке и не без труда передвинул ее к краю настила, после чего повалил елку в воду так, что ее верхушка оказалась совсем недалеко от барахтавшейся дочки.

Все эти манипуляции привели к тому, что раскачивающийся настил начал терять прочность, – несколько скоб, соединяющих толстые бревна, выскочили, и это не сулило ничего хорошего тем, кто на нем оставался или собирался на него забраться. Одним из таковых стал Вакиридзе, которого Павел наконец-то подтащил к краю настила и помог выбраться из воды. Хватавшего воздух ртом приятеля трясло так, словно он сидел на включенном электрическом стуле. Павел мельком отметил, что насквозь промокший комбинезон Геннадия в нескольких местах разорван так, словно за него дралась стая оголодавших псов. Но сейчас было не до комбинезона.

Ниночка!!!

Нет, не она первая добралась до елки, ее опередил тот самый мужик, которого Ниночка пыталась спасти и из-за которого теперь тонула, а он, похоже, помогать ей не собирался. Но еще большая беда была в другом. Из покрывавшего воду ледяного крошева, точно так же, как недавно из лунок, начали выпрыгивать рыбины, только теперь они падали не на лед, а на головы продолжавших вынужденное купание рыболовов. В том числе и на голову Ниночки. Рыбины не просто падали, их пасти смыкались на ушах, носах, губах людей, на их показывающихся на поверхности руках.

– Человекалка! – Павел подскочил к Шишигину и схватил его за горло. – Гад! Так ты об этом договаривался со своим подледным королем?

Ефим оказался сильнее знатного рыболова, легко оторвал от себя его руки и оттолкнул, после чего неуклюже прыгнул в воду. Вынырнув, сразу принялся отчаянно грести по направлению к захлебывающейся водочке. Но вокруг него тоже начали выпрыгивать рыбины и яростно атаковать ничем не защищенную голову.

Одновременно с этим бревенчатый настил, на котором остались Павел и Геннадий, и без того непрочный, потряс еще один удар в дно, и из досок выскочила очередная скоба. Теперь, чтобы не упасть, необходимо было, широко расставив ноги, сдерживать неумолимо расплзающиеся бревна. Для лучшего сохранения равновесия Павел воспользовался своим

ледобуром, а Геннадий схватился за шаткий столик, с которого до сих пор почему-то не свалились ящик с несколькими бутылками водки и кастрюлька с капустой. И тот, и другой отчетливо сознавали, что окажись они в воде, с жизнью можно прощаться.

Прощаться совсем недолго, но зато в жутких мучениях, погибая так же, как Ефим Шишигин, его дочь и другие рыболовы, на которых набрасывались разъяренные форели, щуки и окуни.

После очередного мощного удара настил, как таковой, перестал существовать. Освободившиеся от последних скоб бревна получили самостоятельность, и никакие старания Павла и Вакиридзе не смогли заставить их соседствовать друг с другом. Ножки столика провалились в образовавшиеся щели, кастрюлька с капустой и ящик с водкой опрокинулись, но Геннадий, легший на поверхность стола грудью, все-таки успел непонятно зачем схватить за горлышко одну бутылку. Столик провалился очень удачно – между его ножками оказалось два бревна, и если не дергаться и сохранять равновесие, Вакиридзе можно было на что-то надеяться.

Павел не нашел ничего лучшего, как оседлать лежащую на боку бочку, но она, соскользнув с бревен, начала неумолимо погружаться. Он быстро перебрался на ствол елки, к несчастью слишком тонкий. Но все-таки, благодаря разлапистым ветвям, за которые ухватился рыболов, тонула елка медленно. Что делать дальше, Павел не представлял.

Сильно постаравшись, он смог бы доплыть до ближнего края полыньи, но взбесившиеся рыбы наверняка успеют с ним расправиться, как расправились с теми, от кого на поверхности ледяного крошева остались лишь шапки и рыболовные ящики. Была среди них и голубенькая шапочка Снегурочки. Несколько рыбаков все-таки выбрались на твердый лед, они что-то кричали ему, но реально помочь вряд ли смогли бы...

Совсем рядом с Павлом из воды выпрыгнула форель, еще одна. Он перехватил ледобур за ручку и, взмахнув, попал по очередной выпрыгнувшей рыбине. Это была щука. Подброшенная вверх, она упала на еловые ветви и, зацепившись жабрами, повисла на них, словно еще одно украшение.

– Так их, Паша! – крикнул Вакиридзе. – Бей тварей!

Геннадий умудрился принять сидячее положение и отмахивался от прыгающих вокруг рыб бутылкой, но пока безуспешно. Павел не очень вовремя вспомнил, как, бывало, идя по берегу реки со спиннингом и одну за другой вылавливая щук, тут же умертвлял их ударом по голове специальной колотушкой. Он делал это машинально, без эмоций прекращая рыбины мучения. Это была рыбалка. А сейчас – человекалака?

Елка погружалась медленно, но верно. Вода дошла до самого края сапог, когда прямо перед Павлом с громким всплеском вывернулся широченный рыбий хвост. В следующую секунду из воды высунулась рука, протянулась к продолжавшей висеть на елочной ветке щуке, бережно ее сняла и отпустила в родную стихию. Павел отказывался верить глазам, но тут что-то крепко сжало его коленку.

Он, не глядя, ударил ледобуром вниз и только потом посмотрел, куда пришелся удар. Коленку сжимала еще одна рука, но Павел попал не по ней, а прямо по смотревшему на него из-под воды лицу – старческому лицу, обрамленному колышущимися, словно водоросли, седыми прядями. Острые ножи ледобура рассекли наискосок бровь и переносицу, но кровь из ран почему-то не хлынула. Павел схватился за ручку ледобура второй рукой и резко его крутанул, словно засверливал в сырой лед. Еще один оборот сделать не получилось, – под ногами взбурлила красная пена, там, где только что было старческое лицо, вновь вывернулся широченный рыбий хвост, ударивший по воде и тут же исчезнувший.

И сразу после этого вода мгновенно стала льдом. Сначала тонким, но тут же утолщившимся настолько, что Павел с трудом вырвал из него ногу. Потеряв равновесие, он упал лицом вперед, пробив настоящую полынью.

– Паша, держи! – заорал Вакиридзе, бросая ему веревку, одна из петель которой все еще была у него на запястье.

Если бы они промедлили еще какие-то мгновения, то Павел так и остался бы наполовину вмерзшим в лед. Но знатный рыболов успел выбраться на спасительный стол, лед вокруг которого становился все толще и толще.

* * *

Бутылка водки, которой непонятно зачем завладел Вакиридзе, каким-то чудом не утонула и не разбилась. И теперь она очень даже пригодилась. Павел и Генка без проблем перешли по нарастшему в полынье льду на основную твердь, где их встретили другие спасшиеся рыболовы. Они открыли и пустили бутылку по кругу.

Вообще-то всем надо было срочно в тепло. Сухим из них был только Лыжник, который только что закончил перевязывать кровоточащую ступню Бердску, потерявшему сапоги. Но уходить никто не спешил. Рыбаки, молча, отупело передавали друг другу бутылку и смотрели на свежий лед, в который наполовину вмерзла поваленная елка, ящики, шапки...

Последний глоток достался Генке Вакиридзе. Он бросил пустую бутылку в центр бывшей полыньи и попал прямо в спасшую его и Павла крышку стола, о которой она и разбилась, брызнув во все стороны осколками.

– Меткость рук, – нарушил молчание Вакиридзе и хлюпнул носом. А потом добавил:

– Знаете, мужики, что самое интересное? Самое интересное то, что, благодаря пойманной мной форельки, я теперь имею право на этом водоеме круглый год без лицензии рыбачить...

Налимья погодка

Подсечку Григорий сделал размашистую, не пожалев силы и ничуть не опасаясь, что леска по какой-то причине вдруг оборвется. Леску он купил три дня назад, и была она довольно толстой, во всяком случае, рыбину килограммов на пять выдержала бы даже без намека на разрыв. А на более тяжелый трофей Григорий и не рассчитывал. На случай же, если бы приманку схватила щука с ее острейшими бритвоподобными зубами, рыболов подстраховался поводком, самолично сделанным из гитарной струны.

Но не на щуку еще со вчерашнего вечера настраивался Григорий. Да и погода – ветреная, пасмурная, с густыми зарядами снега, сыпавшим из низких туч, сплошь заваливших небо, была явно не щучьей. Самой налиимьей была погодка.

Вот на налимов-то и поставил накануне Григорий свои десять жерлиц. Аккуратно насадил на тройники – за спинку пойманных еще утром плотвичек и окуньков размером поменьше ладошки, опустил живцов поближе ко дну, зарядил на металлических шестиках, воткнутых в лед, пружинки с флажками, присыпал лунки снегом так, что над ними образовались ровные курганчики, и оставил жерлицы «ночевать», без опасений, что кто-то чужой посмеет их проверить.

А с утра пораньше поспешил Григорий на реку, надеясь, что будет сегодня на обед налиимья печенка. Подморозило, и небо было уже не таким хмурым, как накануне. Во всяком случае, снег не шел. Из всех жерлиц «горела» только одна – самая от него дальняя. Рыболов надеялся на большее, но пусть бы попался хоть один налим, только бы покрупнее...

После подсечки он сначала подумал, что там, на другом конце снасти пусто – так легко, не встретив никакого сопротивления, подалась леска. Григорий перехватил ее раз, другой и, наконец, почувствовал тяжесть, к тому же в руку ему передалось слабое биение. На крючке сидела рыба, и, судя по ее поведению, попался именно налим. Он не метался из стороны в сторону, как щука, да особо и не упирался, а просто висел, лишь слегка пошевеливая хвостом. Григорий даже не пустил в ход багорик и, когда налиимья голова высунулась из лунки, надавив большим и указательным пальцами правой руки чуть ниже глаз, выбросил рыбу на снег.

Налим оказался средненький. Весом поменьше килограмма. Однако живца вместе с тройником ночной хищник заглотил чуть ли не до хвоста, и освободить снасть здесь и сейчас, не вспарывая рыбе живот, было невозможно. Привыкший к подобным сюрпризам налиимьей рыбалки, Григорий просто отрезал поводок и убрал выскользящий их рук трофей в свой огромный деревянный рыболовный ящик в отсек для хранения рыбы. После чего достал из другого отсека запасной поводок, оснащенный тройником с острозаточенными жалами крючков, и привязал его к осиротевшей на пару минут леске. В третий отсек ящика был вставлен узкий металлический кан, сейчас наполовину наполненный водой. В кане плавали три окунька, самого бойкого из которых рыболов насадил на тройник и опустил в лунку. Затем он проверил одну за другой остальные жерлицы, – живцы на них остались нетронутыми и вели себя достаточно шустро, и направился к дому, стоявшему на берегу реки, и до которого было рукой подать.

* * *

– Привет, жена, – Григорий с грохотом поставил ящик на пол рядом с печкой. – Привет, Василек, – подхватил семилетнего сына на руки. – Ну, что будешь сегодня налиимью печенку кушать?

– А ты поймал? – глаза парнишки загорелись. – Покажи!

Григорий посадил сына на табуретку и водрузил на его чернявую голову свою шапку-ушанку, которую тому пришлось приподнять обеими руками, чтобы не закрывала глаза.

– Небольшой налимчик, но вку-уснешький, – Григорий достал из ящика уже успевшую заледенеть рыбу.

– Ух, ты-с, как поводок-то заглотил! – Восхитился Василек, беря налима в руки и давая при этом возможность шапке вновь закрыть ему глаза.

– Ой, Гриш, – Тамара как-то беспокойно посмотрела мужу в глаза. Ты знаешь, мне вот давеча люди сказывали, что если в какой-то день января в нашей Покше налима поймаешь, то рыба эта обязательно всему дому беду принесет.

– Эт-то еще почему? – фыркнул Григорий, стягивая валенки.

– Сказали, что в день этот у налима-то самый икромет случается. И что тому, кто икромет нарушит, смерть-налим отомстит жутко.

– Чего-чего! – Григорий повысил голос. – Какая смерть? Когой-т это ты наслушалась, а?

– Бабу Граню, – потупилась Тамара. Она знала, что муж недолюбливал эту старушку, жившую на самом краю их улицы и слывшую страшной сплетницей и ворожеей.

– А-а-а, – протянул Григорий. – Ну-ну, слушай-слушай эту колдунью. Чтой-т никакой беды до сих-то пор у нас не приключалось. А сколько налимов-то мы с тобой да с Васильком уже слопали?

Тамара в ответ только вздохнула.

– Так что, давай, женушка, не мудри, а приготовь-ка нам к обеду деликатес из печеночки...

* * *

В предвкушении налимьей вкуснятины, Григорий умотнул с работы пораньше, еще засветло. Тамара умела приготовить рыбу так, что пальчики оближешь, и он чуть ли не бежал домой, не обращая внимания на все усиливающийся мороз. О том, что на улице холодно, вспомнил, увидев, что дверь в его дом распахнута настежь. Григорий уже начал складывать про себя в одно предложение все, что собирался высказать жене по этому поводу, когда что-то заставило его обернуться на заснеженное поле, простиравшееся между домом и рекой. Прямо посередине него, где не было ни одной тропинки, утопая в глубоком снегу, в сторону реки двигались два человека.

По их движениям Григорий понял, что второй из всех сил старается догнать первого – по росту – ребенка. Но только, когда тот первый вдруг споткнулся и рухнул в снег, и до Григория донесся слабый вскрик, он понял, что упавший – его сын Василек, и что с ним случилось что-то такое, что никак не должно было случиться...

* * *

Стриптизерша Ирочка с двумя огромными белыми бантами на голове, в темно-коричневом платье и белом фартуке школьницы, размахивая портфелем, вприпрыжку выбежала на сцену. Остановившись на самом ее крае, она осмотрелась вокруг, с таинственным видом приложила пальчик к губам, как бы предлагая зрителям не раскрывать ее секрет, потом озорно отбросила портфель куда-то за спину и неторопливо, в такт музыки, покачивая бедрами, начала стягивать с себя школьное платье...

Это был заключительный номер стриптиз-шоу. Теперь Сергей не жалел, что высидел два часа, которые оно длилось. Собственно и оставался-то он до конца представления только

ради того, чтобы вновь увидеть именно ее – Ирочку. В первый свой выход, в самом начале шоу, она была «кошкой»: раздеваясь, по-кошачьи выгибала спину, терлась боком о шест, стоявший посередине сцены, царапала его коготками и, прокрадываясь на цыпочках мимо столиков, за которыми сидели зрители, мурлыкала с непередаваемо-кокетливой интонацией.

Остальные стриптизерши тоже, как и Ирочка, были довольно симпатичные и главное – невысокого роста, что, в глазах Сергея, выгодно отличало их от примелькавшихся в телевизоре стандартно-длинноногих плейбойских моделей. Но «кошечка» понравилась ему больше всех. Было в этой девушке что-то такое, что заставило его, обычно очень стеснительного, в перерыве между отделениями отправиться за кулисы, и попытаться с ней познакомиться.

В гримерную Сергея, конечно, не пустили. Мало того – парень, торчавший за кулисами и оказавшийся охранником, ничуть не церемонясь и не слушая объяснений, схватил его за запястье правой руки и так крутанул, что Сергей даже вскрикнул от боли. Заведя руку за спину, охранник потащил его к двери, но тут какая-то женщина, втиснула между ними свое пышное тело.

– Ты что, Петька, моего кормильца обижаешь! – закричала она. – Он же корреспондент! Ему завтра спортсменов хватограхвировать, а ты ему руки крутишь! С ума, что ли сошел?

– Да нет, тетя Вера, я ничего, – охранник немного ослабил хватку, и Сергей, рванувшись, освободился.

– Я тебе дам ничего? – женщина, уперев руки в бока, надвинулась на Петьку. – Тебе бы только человеку больно сделать. Подумаешь, вышибала какой крутой нашелся!

Сергей узнал в женщине повариху, которой отдал во время обеда целый пакет свежеспойманной рыбы. Некрупных плотвичек, окуньков и ершей в пакете было килограмма два с половиной. Возиться с уловом Сергей все равно бы ни стал: уху варить не было смысла – в столовой кормили прямо-таки на убой, а убирать рыбу в морозильник, чтобы потом везти в Москву, не хотелось. Тем более, впереди было целых два дня рыбалки, и он рассчитывал поймать что-нибудь посолиднее.

– Ты забыл, кто тебя сюда пристроил? – продолжала оттеснять охранника от Сергея тетя Вера. – Дождешься, Петька, – скажу Василию Викторовичу – он тебя враз самого вышибет.

– Да я свою работу выполняю, тетя Вера! Этот к девчонкам хотел сунуться, – я его не пустил, – оправдывался, вынужденный пятиться, Петька. – Куда он полез-то?

– Все равно, нечего руки ломать? – погрозив ему толстым пальцем, повариха повернулась к Сергею. – А ты что у наших малюток забыл? Им мешать нельзя – у них тоже своя работа.

– Я не хотел мешать, я спросить хотел...

– Ну?

– Вы извините... – Сергей немного смутился, – эта девушка, которая самая первая выступала, сегодня на сцену больше не выйдет?

– Это Ирочка-то? – тетя Вера расплылась в улыбке. – Понравилась тебе кисуля наша?

– Просто хотелось ну... еще раз посмотреть.

– Ну и сидел бы себе в зале, – подал голос Петька. – А здесь смотреть нечего.

– Да ладно тебе, – махнула на него тетя Вера. – Может молодой человек с девушкой познакомиться хочет, – она подмигнула Сергею. – Ирочка у нас звезда. У нее в каждой программе по два выхода, – она подмигнула Сергею. – Так что сможешь еще раз ей полюбоваться...

И вот теперь он любовался «школьницей». Ирочка осталась в одних трусиках. Она все делала специально медленно: плавно поднимала руки и потягивалась; изгибаясь, с любопытством осматривала свое тело; нежно поглаживала себя по груди, животу, попе. Затем

также медленно сползла со сцены и, прикрывая груди ладошками, пошла к столикам. Перед каждым зрителем стриптизерша ненадолго задерживалась, с невинным видом опускала руки и тут же, словно спохватываясь, вновь прикрывала свое сокровище.

Когда она остановилась перед Сергеем, он услышал стук собственного сердца. На этот раз Ирочка не просто опустила руки, но, повернувшись к Сергею спиной, просунула два мизинца под резинку трусов и на мгновение стянула их, при этом вильнув голой попкой. Сергей чуть с ума не сошел. А когда девушка, обернувшись, показала ему язык и, лукавенько подмигнув, пошла дальше, в груди у него словно что-то крутанулось, и Сергей как-то вдруг сразу понял, что покорен.

Ему очень захотелось вручить Ирочке огромный букет самых дорогих роз. И Сергей страшно пожалел, что он не богач, что у него нет в кармане нескольких сотен долларов, которые можно было бы подарить, отдать, заплатить, только бы она...

Он пока не знал, что должно последовать дальше после этого: «Только бы она...» Не мог сформулировать или хотя бы понять чувство, так неожиданно возникшее в нем к этой стриптизерше. Влечение, любовь, страсть... А, может быть, ревность к тому, что помимо него ее видят обнаженной другие. А, может быть, и что-то еще.

Шоу закончилось, и большинство зрителей покинули зал, а оставшиеся ждали начала дискотеки. Было самое время вновь зайти за кулисы, но Сергей словно прирос к месту. Нет, это не была боязнь или его всегдашняя скромность – он просто не в силах был даже начать разговор с этой девушкой, просто так, не зная, чего он на самом деле хочет. Он должен был подождать, подумать, понять себя.

Диск-жокей подошел к микрофону, будто захлебываясь, протараторил что-то непонятное, и, все еще продолжая говорить, на полную громкость врубил ритмичную музыку. Сергей не очень любил танцевать, но всегда с интересом и даже с удовольствием наблюдал за другими. Обычно он с самого начала выбирал среди танцующих двух-трех девушек и в дальнейшем старался уже не упускать их из вида.

Сейчас у него это не получалось. Все, казалось, танцуют одинаково, да и выделить внешне он никого не мог. Может быть потому, что перед глазами все время была Ирочка. Когда начался медленный танец, Сергей, обходя круг танцующих, направился к выходу.

– Разрешите вас пригласить? – вдруг услышал он сбоку, машинально повернул голову, уверенный, что слова эти ни в коем случае не касаются его, и увидел... ее. Ирочку.

Он не успел открыть рот, а стриптизерша уже положила руки ему на плечи, прижалась грудью и повела в танце. Она была почти на голову ниже его и снизу смотрела ему прямо в глаза своими большими кошачьими глазами. Сергей, поддаваясь движениям ее тела, молча таял под этим взглядом.

– Мне открыли тайну, что вы фотокорреспондент из Москвы, – наконец промурлыкала Ирочка.

– Почему тайну?

– Потому, что корреспонденты обычно носят свои фотки на груди, а вы...

– А я бы тоже с удовольствием принес сюда свой фотик, чтобы потратить на ваше выступление всю пленку, но там, при входе висит такая злая табличка...

– Что снимать запрещено, да?

– Вот-вот.

– А ты на самом деле хотел бы меня поснимать? – при слове «хотел» Ирочка еще сильнее прижалась к Сергею.

– Во время танца?

– Можно и во время танца, но только не здесь, – девушка улыбнулась, – и только без зрителей...

* * *

Утром вместо светившего накануне солнца и тихой погоды, по небу позли серые тучи, то и дело, просыпавшие вниз заряды мокрого снега.

– В такую хмарь и впрямь одних налимов ловить, – натянув свитер, Владимир Иванович, оперся руками на подоконник и с озабоченным видом уставился в окно. – Серега, ты, когда пойдешь свои жерлицы проверять?

– А что, уже пора? – Сергей нехотя приоткрыл один глаз.

– Что значит уже? Давно пора! – Владимир Иванович посмотрел на блаженствующего в кровати товарища по номеру. – Ты в котором часу спать-то завалился?

– Где-то около трех, – подавил зевок Сергей. – Как стриптиз закончился, так я почти сразу и пришел.

– Ну и как, не зря тридцатник потратил?

– Не зря. Девчонки – класс! Я даже с одной познакомился...

– Понятно, – Владимир Иванович вздохнул и вновь уставился в окно.

– А что там погода?

– Кошмар.

Погода и в самом деле не обещала ничего хорошего. Особенно тем, кому сегодня предстояло три часа соревноваться в мастерстве подледной ловли. Владимир Иванович был тренером по ловле рыбы на мормышку сборной команды «Мастер-рыболов», которая два дня назад вместе с еще девятнадцатью командами прибыла в гостиницу на берег речки Покша, чтобы принять участие в зимнем чемпионате. Он отвечал за выступление своих ребят, которым теперь, помимо сильных соперников, предстояло сражаться еще и с ненастьем.

Сколько раз Владимир Иванович говорил себе, что лучше поверить женщине, чем синоптикам. И все же вчера, наслушавшись по приемнику метеопрогнозов, настраивал своих подопечных на прямо противоположные погодные условия, что сегодня, наверняка, отрицательно скажется на результатах выступления.

– Ты, давай, поднимайся, – сказал тренер. – А то через час-полтора ни одного флажка не отыщешь.

– Да-да-да, уже поднялся.

* * *

Сразу после завтрака Сергей наскоро заглянул в свой рыбацкий ящик – все ли на месте, осмотрел ножи на коловороте – не сколоты ли, сунул за пазуху фотоаппарат и, никого не дожидаясь, поспешил на лед. До начала соревнований оставалось еще часа полтора. За это время он рассчитывал проверить жерлицы и подойти к месту старта, чтобы запечатлеть момент, когда спортсмены с коловоротами наперевес ворвутся в огороженные флажками зоны ловли.

На улице ударившие в лицо ветер со снегом, заставили Сергея поглубже натянуть вязаную шапку на уши, а на нее накинуть капюшон, тесемки которого завязать под подбородком. Через пять минут ходьбы по довольно скользкой тропке, которую за два предыдущих дня натоптали спортсмены, Сергей с облегчением и даже какой-то веселостью думал, что хорошо хоть ему сегодня не придется участвовать в соревнованиях. Проверю жерлички, пофотографирую, потом и «по пять капель» с Владимиром Ивановичем можно будет принять, чтобы дуба-то не дать. А потом... Потом могло произойти кое-что очень для него интересное.

Ночью во время танца Ирочка не просто намекнула, что хотела бы фотографироваться без посторонних зрителей. Кроме этого она еще прошептала ему на ушко и свой домашний адрес. И Сергей очень хорошо его запомнил: улица Рыбная, дом 17. Он еще удивился, почему она не сказала номер своей квартиры, но скоро выяснилось, что Ирочка живет в своем частном доме. То есть в доме своих родителей, которые как раз сегодня с утра уйдут на работу и вернутся не раньше пяти вечера...

Тренер оказался прав. Падавший с неба снег налипал на любое маломальское препятствие на земле, и, отправься Сергей проверять свои жерлицы часом позже, отыскать хотя бы одну из них было бы практически невозможно. Но сейчас, подходя к запомнившемуся с вечера месту, где река делала крутой изгиб, он сумел-таки различить на белом фоне сначала одну черточку загнутой в дугу пружины жерлицы, затем еще одну, а затем и качающийся на ветру треугольник флажка. Была поклевка, и жерлица сработала!

Сергей напрямик припустил к ней, не отрывая от флажка взгляда и заранее ругая себя, что в ящике, который сейчас приходилось придерживать рукой, нет такой необходимой рыбацкой принадлежности, как багорик. Жерлицы он расставлял вчера вечером, когда закончилась тренировка, слушая подсказки Владимира Ивановича. Тренер знал в этом толк и подробно объяснил, в каких местах надо сверлить лунки, какую рыбку предпочтительней насаживать на тройник, и на какую глубину опускать живца. Он советовал настраиваться на ловлю налима. С судаком в этом месте было не очень богато, заглотившая живца щука могла запросто оборвать леску, а вот малоподвижный хозяин глубин налим, по словам Владимира Ивановича, обязательно должен был попасться.

Раньше Сергей налимов никогда не ловил. Но много читал и о способах его ловли, и о замечательных вкусовых качествах этой рыбы семейства тресковых. Но ему были важны не столько вкуснота налима, сколько сам факт поимки этого довольно-таки редкого хищника.

Оказавшись у лунки со сработавшей жерлицей, он увидел, что леска на катушке размотана полностью. Чего-то выждать, как рекомендуется при ловле щуки, когда поклевка происходит буквально на глазах, сейчас не было смысла. Сергей аккуратно поставил на лед ящик, опустился на одно колено, взялся за леску двумя пальцами, слегка потянул и, почувствовав задержку, подсек. Есть! Что-то повисло на том конце снасти, и это что-то наверняка было рыбой.

Только теперь, медленно, метр за метром выбирая леску, он обратил внимание на то, что снег, которым была присыпана лунка, пропитавшись за ночь водой, успел превратился в толстую ледяную корку. Сергей стукнул по этой корке кулаком один раз, второй, третий, но она лишь слегка вдавилась в лунку и как бы утрамбовалась, отчего леска застряла. Не мешкая, Сергей вырвал из льда дюралевый шестик жерлицы и его сплюсненным кончиком стал тыкать в неподдающуюся корку вокруг лески, стараясь ни в коем случае ее не задеть. Наконец корка оказалась пробитой в нескольких местах, и теперь уже леска из темного неровного окошка в подводный мир заскользила вверх. Вот только диаметр этого окошка был маловат – раза в два с половиной меньше обычной лунки, чего явно недоставало, чтобы в него прошла попавшаяся рыба.

Пока же Сергей думал лишь о том, как побыстрее подтащить эту рыбу к лунке и завести в нее хотя бы голову, чтобы узнать, кто все-таки стал его пленником? Лески было вытянуто уже столько, что пора было бы и в самом деле показаться трофеем, и через несколько секунд он показался. Правда, Сергей увидел совсем не то, что ожидал увидеть – вместо рыбьей головы в обкорнанную лунку вдруг высунулся плосковатый песочного цвета... хвост.

Если бы Сергей не слышал раньше об этой удивительной особенности налима, – когда его тащат вверх, разворачиваться и заходить в лунку хвостом, он, возможно бы, даже испугался. Но сейчас сердце рыболова подпрыгнуло от радости – вот он, налимчик, попался! Однако не все оказалось так просто. Сергей попытался схватиться за хвост, но пальцы не

задержались на покрытой слизью мелкой чешуе. Не удались и следующие попытки вытащить рыбу, только руки начали замерзать все сильнее и сильнее. Вот если бы лунка была пошире... Сергей вновь схватился за шестик жерлицы и принялся обдалбливать лед вокруг судорожно вздрагивающего налимого хвоста. И хотя расширить лунку не удавалось, хвост каким-то образом сам высунулся еще на несколько сантиметров, и теперь уже наверху показалось его толстое светлое брюхо.

– Ну-ка, давай, помогу, – услышал вдруг Сергей над самым ухом и, оглянувшись через плечо, увидел средних лет рыбакка, судя по всему – местного жителя.

– А как? Багорика-то у меня нет, – пропыхтел Сергей.

– Да, ничего, – присел рядом рыбак, – я его рукавичками.

Он ловко сжал брюхо налима своими выдавшими видами, обшитыми сверху брезентовой тканью рукавичками, сдвинул сильнее и медленно начал тащить. Сергей видел, что рукавички все равно соскальзывают с рыбьего тела, но все же оно сантиметр за сантиметром вытаскивалось на свет божий.

– И никакого багра не нужно, – сказал мужичок, бросая налима на снег и снегом же начиная счищать с рукавичек налипшую слизь. – Какой живец-то был?

– Окунок. Небольшой, сантиметров шесть, – Сергей с интересом разглядывал рыбу. Налим лежал совершенно неподвижно, смотря на мир черными бусинками глаз и намертво сжав челюстями поводок, лишь кончик которого торчал изо рта.

– Заглотил он твоего окунька знатно, – сказал мужик. – Да уж, наверное, и переварить успел за ночь-то. Так что крючок вытащить даже и не надейся. Можешь сразу запасной при-вязывать.

– Да у меня запасных-то и нет, – махнул рукой Сергей. – Ну и черт с ними, главное, что хоть одного налимчика поймал. Спасибо тебе.

– Спасибо в стакан не нальешь, – усмехнулся мужик. – Меня, кстати, Генкой зовут.

– А меня – Серегой, – они пожали друг другу руки. – Ты знаешь, я бы и сам сейчас с удовольствием выпил, – сказал Сергей виновато. – И за налима, и за знакомство. Вот только с собой нет ничего.

– Бывает, – понимающе кивнул Генка.

– А ты подтягивайся сюда, как стемнеет, – предложил Сергей. – Я как раз приду жер-лички проверять. Вот и выпьем.

– Ты лучше вон на тот костер посмотри, – сказал Генка, показывая рукой ему за спину.

Сергей недоверчиво обернулся и с замиранием сердца увидел, что еще на одной его жерлице «горит», как принято среди рыболовов-жерличников говорить при поклевке, маленький красный флажок...

* * *

К началу соревнований Сергей опоздал. Пока возился со второй сработавшей жерлицей, на которой рыба, схватившая живца, после подсечки умудрилась где-то там, на дне завести леску за корягу и так застрять, что пришлось обрывать снасть; пока проверял остальные жерлицы; пока болтал со своим новым знакомым Генкой... Спыхватился, что ему давно уже было пора, только года услышал хлопок выстрела и увидел взвившуюся в небо зеленую ракету, давшую старт чемпионату. Наскоро попрощавшись с Генкой, Сергей поспешил за поворот реки, где были разбиты зоны, в которых уже шло настоящее рыбацкое сражение.

Правда, особенно переживать из-за этого опоздания Сергей не собирался. Сфотографировать момент старта можно и на следующий день, тем более что сегодня погода для съемки совсем не климатилась – слишком было пасмурно. К тому же примерно первые полчаса спортсмены все больше сверлят лунки, ищут подходящую, по их мнению, для ловли

глубину, занимаются прикормкой. Сама же рыбалка, самый азарт начнется позже, когда кто-то поймает крупняка, а кто-то начнет одну за одной таскать мелких окуньков или плотвичек. Вот тогда-то и придет время фотокорреспондента запечатлеть самые захватывающие моменты соревнований.

Ширина зон ловли от берега до берега была с полсотни метров, а длина всех зон – почти полтора километра. На берегу, напротив каждой из зон были разбиты цветастые палатки, в которых судьям предстояло взвешивать уловы. Владимира Ивановича Сергей увидел изда- лека. Тренер подозвал одного из спортсменов к краю зоны и что-то ему сказал, после чего тот, подхватив колovorот, помчался к противоположному берегу.

– Ну, поймал налима, полуночник? – спросил Владимир Иванович у запыхавшегося после быстрой ходьбы Сергея.

– Естественно! И еще один в коряги завел – пришлось леску обрывать.

– Ага, – с пониманием кивнул тренер, не отрывая взгляда от происходящего на льду действия.

– Как наши-то?

– От нуля ушли все. Но, сам знаешь, пока ничего не ясно. Нашим сейчас больше пере- двигаться надо: найти два-три местечка, где рыба постоянно держится, подкормить, да и на других поглядывать не мешало бы. А Стас, как всегда, под самым берегом застрял, где кроме вот такой бибики, – Владимир Иванович показал Сергею две трети мизинца, что соответ- ствовало размер «бибики», – ничего нет и быть не может.

– Ну, тогда наливай, – Сергей шмыгнул носом и потер ладони.

– Ты чего, парень? Какой – наливай! Кто ребятам помогать будет?

– По пять капель, Владимир Иванович. Чтобы согреться...

– Да нет у меня ничего, – развел руками тренер. – Я специально на лед не брал. Нам за победу бороться надо...

– И пива нет?

– Так тебе согреться или пиво? – деланно возмутился Владимир Иванович. – Ты лучше иди фотографируй и заодно за костромичами понаблюдай – это сегодня наши главные кон- куренты.

– Ладно, – разочарованно вздохнул Сергей, – пойду наблюдать.

Но тут, повернувшись к тренеру спиной, он враз забыл и про то, за кем ему следует наблюдать, и про пиво, и про пять капель. Прямо перед ним стояла Ирочка. С огромными кошачьими глазищами и густонакрашенными ресницами, курносый носом, красными щеч- ками и пухленькими губками, расплывшимися в радостной улыбке, в валенках без галош, шубке из светлого искусственного меха, и в белоснежной вязаной шапочке с помпоном, она вполне могла сойти за снегурочку на новогоднем празднике.

– Ой, Сережка, это так здорово! – не дала ему опомниться и даже поздороваться стрип- тизерша. – Тот дядька с красной повязкой как выстрелит ракетой в небо, а все, как рванут с места, кто быстрее, и давай лед сверлить! И еще, и еще... А один не успел удочку опустить, как сразу во-от такую рыбеху поймал! Я ему даже в ладоши похлопала.

– А вдруг он не из нашей команды был? – улыбнулся Сергей.

– Ой, а я и не знаю, кто в нашей-то команде, а кто не в нашей, – захлопала Ирочка ресницами.

– Все наши в одной форме зеленого цвета, – Сергей взял ее под руку и стал показы- вать, – вон, вдалеке Ромка бегаёт, здесь под берегом Стас застрял, а вон там Андрюха лунку сверлит... А самую большую рыбу знаешь, кто сегодня поймал?

– Не знаю...

– Смотри, – он открыл свой ящик, на дне которого, изогнувшись, лежал налим.

– Такой здоровущий! – глаза Ирочки чуть ли не в два раза увеличились в размерах. – Ой, Сережка, я так хочу, чтобы ты мою фотографию с этой рыбищей сделал!

* * *

Сергей сто лет не бывал в таких вот домах. Обычных, деревенских, огороженных скромным деревянным заборчиком, с пристроенным с торца сараем, «холодным» туалетом и небольшим садом с десятком стареньких яблонь меж грядок. От калитки к крыльцу виляла утоптанная в снегу тропинка, по которой Ирочка провела его за собой, держа за руку.

Теплота дома, его неповторимый, и в тоже время такой знакомый запах обволокли, опьянили Сергея. Да и Ирочка добавляла кайфа каждым своим движением, каждым взглядом и подмигиванием, каждой улыбкой, настолько лукавой, что он все больше таял и таял. А девушка вела себя, словно на сцене и делала все танцуя. Скинув в прихожей верхнюю одежду и обувь и заставив Сергея сделать тоже самое, она, покачивая бедрами и что-то мурлыкая, провела его через кухню и большую комнату к себе, в комнату маленькую. Там, все так же, в танце Ирочка нажала кнопку магнитофона и под плавно полившуюся мелодию достала откуда-то из-за стола бутылку коньяка, отвинтила крышку, вытащила из-за стекла книжной полки, заставленной в основном посудой, два стаканчика и наполнила их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.